ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 4 (3033) Четверг, 8 января 1953 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Выборы в местные Советы

Наша страна готовится к выборам в местные Советы депутатов трудящихся.

Советы, учит великий Ленин, это власть, открытая для всех, делающая все на виду у массы, доступная массе, исходящая непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган народной массы и ее воли.

Ленинская характеристика Советов выражает существо нашей родной советской власти, ее подлинно демократический характер. Выборы в нашей стране проводятся на основе самого демократического в мире избирательного закона — на основе Сталинской Конституции. Все граждане у нас равны в своих правах. Не имущественное положение, не национальная принадлежность, не пол, не служебное положение, а личный труд каждого гражданина определяет его положение в обществе.

Пользуясь полной свободой волеизъявления, трудящиеся посылают в Советы людей по своему выбору — кандидатов сталинского блока коммунистов и беспартийных, людей, на деле доказавших свою преданность социалистической Отчизне, Коммунистической партии, великому Сталину.

Выборы проходят у нас в обстановке тесного сотрудничества, взаимного доверия и дружбы рабочих, крестьян, интеллигенции. Они проходят на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, при тайном голосовании.

Нет и не может быть таких выборов в капиталистических странах! Если в нашем, социалистическом обществе нет эксплуататоров и некому оказывать давление на избирателей с целью исказить их волю, то в буржуазном государстве вся избирательная система с ее бесчисленными оговорками, ограничениями подчинена интересам класса имущих, она исключает из управления страной простой народ, трудящихся. Буржуазные партии, прислужники капитала, в дни выборов оглушают избирателей демагогической агитацией, не скупятся на посулы, идут на всякого рода подлости, на прямой обман, и все это делается для того, чтобы протащить к власти своих кандидатов.

Буржуазия в наше время открыто ведет наступление на демократические права трудового человека. Товарищ Сталин на XIX съезде партии сказал: «Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой «свободы личности», — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растоптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт».

Подавление прав человека и свободы личности, политика дискриминации и национального угнетения наиболее ярко проявляются в США. Основные буржуазные партии этой страны — республиканская и демократическая — состоят на службе у магнатов Уолл-стрита. Обе они осуществляют политику ликвидации гражданских свобод в США и подчиненных им странах, ведут наступление на жизненный уровень трудящихся, развязывают новую мировую войну. Поэтому для простых людей Америки, по существу, нет разницы, какая партия придет к власти в результате выборов — республиканская или демократическая. Не случайно в ноябре нынешнего года миллионы американцев бойкотировали выборы.

Если в буржуазных странах трудящиеся всячески отстраняются от общественно-политической жизни, от управления государством, то у нас, в Советском Союзе, впервые в истории человечества развязаны, освобождены, вызваны к жизни могучие творческие силы народа. Миллионы советских людей — рабочие, колхозники, интеллигенты, представители самых различных профессий — активно участвуют в государственном строительстве. Только по Российской Федерации в местные Советы депутатов трудящихся избрано более 800 тысяч человек; в работе постоянных комиссий местных Советов участвует около 850 тысяч активистов.

Два года прошло со времени последних выборов в местные Советы. Оглядываясь на пройденный путь, каждый из нас видит, какие замечательные перемены произошли в нашей жизни, какой большой шаг вперед, к коммунизму, сделали наши люди. По сталинским предначертаниям на глазах преображается родная земля. Надежным зеленым заслоном от губительных суховеев встают на степных просторах лесные полосы, возникают новые моря, прокладываются голубые магистрали, воздвигаются гигантские гидроэлектростанции. Вступил в строй первенец великих строек коммунизма — Волго-Дон! Постоянно повышается благосостояние народа, растет передовая советская культура. И во всем этом немалая заслуга местных Советов, являющих собой незыблемую основу советского государственного строя. Депутат постоянно чувствует свою ответственность перед избирателями. Они могут критиковать его работу, указывать ему на допущенные ошибки и, если он не оправдал их доверия, — отозвать. Избиратели подходят к депутатам со сталинским критерием: «Построил ли ты или не построил хорошую школу? Улучшил ли ты жилищные условия? Не бюрократ ли ты? Помог ли ты сделать наш труд более эффективным, нашу жизнь более культурной?»

Кое-кто из депутатов местных Советов со времени прошлых выборов успел пренебречь своими депутатскими обязанностями, забыл о долге перед избирателями, ослабил свою связь с народом. Об одном из таких депутатов Ногинского городского Совета — тов. Клюшкине рассказывается сегодня в письме двух старых производственниц Глуховского хлопчатобумажного комбината имени Ленина. Высокая требовательность к депутату, выраженная в этом письме, вполне понятна и объяснима, особенно теперь, когда все шире и смелей развертывается критика снизу. Новые выборы покажут, кто способен выдержать, принять, как руководство к действию, такую нелицеприятную критику избирателей.

Подготовка к выборам в местные органы государственной власти проходит в обстановке творческого подъема миллионов, вызванного историческими решениями XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза. Победоносно завершив послевоенную пятилетку, наш народ успешно претворяет в жизнь пятый сталинский пятилетний план.

Двадцать лет назад в докладе об итогах первой пятилетки товарищ Сталин указывал на основные силы, обеспечившие ее победу. Это — активность и самоотверженность трудящихся, развивших колоссальную энергию по разворачиванию социалистического соревнования и ударничества; твердое руководство партии и правительства; особые достоинства и преимущества советской системы хозяйства, таящей в себе колоссальные возможности. Эти основные силы обеспечат победу и новой сталинской пятилетки.

В эти дни в клубах, избах-читальнях, на агитпунктах особенно многолюдно. Здесь звучат правдивые слова агитаторов. Они разъясняют избирателям Конституцию СССР, рассказывают о славных делах советского народа, о вдохновляющих решениях XIX съезда партии, о гениальном труде великого Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», освещающем путь развития нашей страны к коммунизму.

В агитационно-массовой работе среди избирателей призвана активно участвовать наша советская интеллигенция — учителя, врачи, агрономы, инженеры, писатели, артисты. В своих лекциях и беседах они могут глубоко раскрыть величие наших побед, «громадьё» наших планов. А как много можно сделать для пропаганды новинок художественной литературы, для улучшения работы самодеятельных кружков! Помочь библиотекам, агитпунктам, красным уголкам в развертывании избирательной кампании — почетное дело большой общественной важности. Работа агитаторов должна способствовать мобилизации масс на самоотверженный труд, улучшению деятельности местных Советов, устранению недостатков в деятельности советских учреждений.

Выборы в местные Советы явятся новым ярким торжеством советского демократизма. Выборы еще раз наглядно покажут простым людям земного шара, что советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики.

Наша великая Родина, где на деле осуществлена свобода личности, где людям предоставлены широкие политические права, где народы объединены в единую многонациональную дружную семью, является путеводной звездой для свободолюбивых народов всего мира.

ВСТРЕЧА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДОМЕ ЛИТЕРАТОРОВ

В Центральном доме литераторов состоялась встреча московских писателей с делегатами Конгресса народов в защиту мира. Вечер открыл писатель И. Андроников.

Собравшиеся тепло встретили прогрессивного бразильского писателя, борца за мир, лауреата международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Жоржи Амаду. С большим интересом был выслушан его рассказ о борьбе бразильского народа за национальную независимость, за мир. В своем выступлении писатель особо подчеркнул горячую симпатию передовых людей Латинской Америки к Советскому Союзу — нерушимому оплоту мира, о растущем интересе к советской литературе.

Своими впечатлениями о встречах с представителями миролюбивых народов мира, собравшимися на Конгрессе, и о работе Конгресса поделились советские делегаты: писатель А. Сурков, президент Академии архитектуры СССР А. Мордвинов, член-корреспондент Академии художеств В. Кеменов.

СОВЕЩАНИЕ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ УЗБЕКИСТАНА

ТАШКЕНТ. В течение пяти дней проходило IV совещание молодых писателей Узбекистана.

Доклад сделал председатель комиссии по работе с молодыми авторами ССП Узбекистана тов. Мирмухсин. Докладчик сообщил, в частности, что в 1952 году семнадцать молодых писателей приняты кандидатами в члены Союза советских писателей Узбекистана, одиннадцать направлены на литературную учебу в Москву. Если к прошлому республиканскому совещанию молодые писатели пришли, главным образом, с поэтическими произведениями, то сейчас авторы представили для обсуждения рукописи прозаических произведений.

Выступившие в прениях писатели поделились своими творческими планами. Многие отмечали, что работа с начинающими писателями в ССП Узбекистана поставлена плохо. Молодому автору очень редко удается получить квалифицированную помощь.

НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

АЛМА-АТА. (Наш корр.). В новом, 1953 году издававшийся на русском языке альманах «Казахстан» преобразован в ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Советский Казахстан». Его тираж — 15.000 экземпляров.

В нынешнем году редакция предполагает опубликовать в переводах на русский язык роман Г. Мустафина — «Караганда», киноповесть о казахской женщине М. Ауэзова — «Большая судьба», вторую книгу автобиографических рассказов С. Муканова — «Школа жизни», повесть молодого прозаика С. Шаймерденова о советском студенчестве — «Дорога в грядущее», пьесу А. Тажибаева — «Цвети, степь!», поэмы и стихи О. Шипина, Х. Ергалиева, Т. Жарокова и других казахских поэтов и народных акынов.

Наряду с этим в журнале будет широко представлено творчество русских писателей Казахстана. Редакция намеревается привлечь к участию в журнале ряд крупных советских писателей из других республик.

75 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ Н. А. НЕКРАСОВА

ПОЭТ, ГРАЖДАНИН, ПАТРИОТ

Всегда, когда заходит речь о творчестве Н. А. Некрасова, меня не столько волнуют академические, специальные проблемы, сколько та роль, какую сыграло творчество поэта в формировании и жизни нашего поколения. Не знаю, как на это посмотрят историки литературы, но думаю, что эта сторона дела имеет огромнейшее и существеннейшее значение. Поэт, воздвигнувший памятник своей эпохе, велик, но трижды велик и славен тот поэт, который, перешагнув через смерть, живет в новых поколениях, как живой среди живых. Не памятник, а гражданин, не только источник познания прошлого, хотя бы и переданного в ярчайших образах, а пламенный собеседник и советчик людей нового времени!

Таковы у нас Пушкин и Лермонтов. Таков Некрасов. Таков Маяковский. Две особенности в жизни и творчестве наших великих поэтов бросаются в глаза с первого взгляда — беззаветная, безграничная любовь к человеку, борьба за него против всех темных сил и дерзновенное новаторство в области изобразительных средств. Этим и велики великие, этим они, умершие, живут в нас и среди нас. И только полностью и до конца оценив значение этих двух сторон, можем мы в нашей литературе говорить о плодотворном наследовании классических традиций.

Почти не осталось в живых людей, помнящих скорбный зимний день, когда гроб с телом поэта был опущен в могилу. Для меня и для моих сверстников, например, жизнь и смерть Некрасова были всегда в прошлом, только в прошлом. Однако его поэзия, хотя мы прочитали первую строку из нее по крайней мере лет сорок спустя после того, как была написана последняя строка, всегда была и всегда остается нашим настоящим. Без Некрасова попросту невозможно представить ни нашего образования, ни нашего строя чувств, ни нашей культуры. Особенно, надо полагать, неизгладимый след оставило его творчество в сердцах и душах тех, кто рос в деревне, — не только потому, что так разительно правдивы картины сельской жизни, написанные поэтом, но еще более потому, что поэзия Некрасова раскрывала нам глубокий смысл этой жизни, являлась для нас поэтическим осознанием этой жизни. Еще на парте трехклассной сельской школы она правильно воспитывала нашу любовь и нашу ненависть.

У меня, как и у всех, есть право сослаться в данном случае на личный пример. Я не помню, как ко мне пришли первые стихи Некрасова: то ли в песне о коробейниках, которую знали и пели почти поголовно взрослые и молодежь, то ли в своеобразной декламации бродячих швецов, печников, шерстобитов и каталей валенок, то ли из какой-либо донельзя зачитанной книжки. Во всяком случае, когда я впервые сел за парту и получил хрестоматию со стихами Некрасова, я встретился с ними, как с чем-то таким, что уже давно срослось с моим сознанием. Его поэзия была самой жизнью, которой жила деревня, но в этой жизни каждый привычный и примелькавшийся предмет вдруг озарялся ярким светом, представал во всем своем значении, рождая в душе тихую радость или жгучую горечь. Влияние его стихов на нас было ошеломляющим. Мало ли видели, например, деревенские ребята того времени несжатых полосок хлеба, торчавших бурыми, нечесанными вихрами в осеннем поле? И видели и, случалось, скотину гоняли через недосжатое поле — напрямик короче, а остальное неважно — все равно под снег пойдет. И не у одного из тех же самых мальчиков позже навертывались на глаза слезы, когда читались стихи:

> Нас, что ни ночь, разоряют станицы
> Всякой пролетной прожорливой птицы,
>
> Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
> Где же наш пахарь? чего еще ждет?
>
> ...Ветер несет им печальный ответ:
> — Вашему пахарю моченьки нет.
> ...Плохо бедняге — не ест и не пьет,
> Червь ему сердце больное сосет,
>
> Руки, что вывели борозды эти,
> Высохли в щепку, повисли, как плети...

Это врезалось в сердце и память навсегда, до конца, и хотя давно исчезли у нас страшные условия, в которых умирал некрасовский крестьянин, я до сегодняшнего дня не могу без щемящего чувства видеть недосжатый кусок поля или недокошенный клин луга, хотя бы и сознавая, что попросту не успели сегодня и докосят завтра. Почему? Потому, что поэт заставил за каждым вызревшим колосом видеть труд, человеческую судьбу. Но, разрушая иллюзии, Некрасов рождал в нас и надежды. Каким трепетом наполнялись сердца ребят, жаждавших учения, когда читались удивительные строки стихотворения «Школьник», в которое поэт вложил столько ума, благородства, веры в родной народ.

> Ноги босы, грязно тело,
> И едва прикрыта грудь...
> Не стыдися! что за дело?
> Это многих славный путь.
>
> Вижу я в котомке книжку.
> Так, учиться ты идешь...
> Знаю: батька на сынишку
> Издержал последний грош.

И далее — от частной картины к огромному обобщению:

> Не без добрых душ на свете —
> Кто-нибудь свезет в Москву,
> Будешь в университете —
> Сон свершится наяву!
>
> Там уж поприще широко:
> Знай работай да не трусь...
> Вот за что тебя глубоко
> Я люблю, родная Русь!
>
> Не бездарна та природа,
> Не погиб еще тот край,
> Что выводит из народа
> Столько славных то и знай, —
>
> Столько добрых, благородных,
> Сильных любящей душой...

Думается, нет прекраснее поступка, чем открыть перед человеком правильный путь и дать ему твердую надежду, что цель может быть достигнута: «знай работай да не трусь»! И глубоко убежден я, что многие из моих сверстников и людей постарше, кто сегодня достиг немалого на избранном пути, могут сказать за это спасибо и Некрасову. Много добрых чувств поселил он в сердцах людей, много мыслей пробудил, много надежд утвердил.

Когда мы говорим о теме труда в современной советской литературе, мы не можем найти более яркого поэтического решения этой темы, чем в творчестве Некрасова. От таких эпических полотен, являющихся целой энциклопедией крестьянской жизни, как «Кому на Руси жить хорошо», до «Железной дороги» и «Крестьянских детей», с таким изумительным отрывком, как «Однажды, в студеную зимнюю пору», — все творчество Некрасова является гимном труду, дышит глубочайшим уважением к человеку труда.

Есть в творчестве великого поэта одна особенность, присущая, пожалуй, в такой степени ему одному из всех русских поэтов прошлого, — умение даже такие, казалось бы, чисто лирические темы, как любовь, разлука, печаль, разрешать в органической связи с трудом, как основным делом всей жизни человека. Зато как неукротимо ненавидел Некрасов всех, относившихся к трудовой жизни презрительно и свысока! Не будучи сатириком по основному направлению своего творчества, он создал ряд произведений, бичующих тунеядцев, написал поэму «Современники», в которой подверг беспощадному осмеянию хапуг, взяточников, лжеученых, попирающих чаяния народа и прикрывающих свои гнусные дела пышной болтовней. Вспомним хотя бы одну только сатирическую «Песню об «орошении», где писатель беспощадно расправляется с чиновниками-аферистами, для которых «орошенье наших пашен и лугов» — всего лишь благовидный предлог для того, чтобы присвоить себе народные деньги.

В то же время смелое воображение художника прорывается в будущее, в наш день, когда иная, свободная жизнь раскинулась на берегах Волги:

> Освобожденный от оков,
> Народ неутомимый
>
> Созреет, густо заселит
> Прибрежные пустыни;
> Наука воды углубит:
> По гладкой их равнине
>
> Суда-гиганты побегут
> Несчетною толпою,
> И будет вечен бодрый труд
> Над вечною рекою.

Не только огромное количество советских читателей ощущает Некрасова, как современника, по глубине чувства, которым насыщена его поэзия, по любви к человеку, к труду, к отечеству, но и советские писатели воспринимают творческое наследие Некрасова, как сокровищницу живого опыта, способного обогатить советскую поэзию, умножить ее достижения.

Непреходящее значение творчества Некрасова заключается и в том, что его поэзия была новаторской в полном и подлинном значении этого слова. Его стих бесконечно разнообразен интонационно, насыщен таким обилием живых народных речений, какого до этого никогда не встречалось в русской поэзии; его манера писать картину, характер, образ, типизировать и обобщать не имеет себе подобных. Своим творчеством Некрасов безжалостно разрушал и попирал те из канонов и традиций, которые становились препятствием на пути развития поэзии, в неменьшей степени, чем позже разрушал подобные каноны и традиции Маяковский. Придираясь к необычности формы, творчество Некрасова облаивали реакционные критики, замалчивали пророки и кликуши декаданса, потихоньку, маскируясь и двурушничая, травили космополиты. В действительности же, как это позже повторилось с Маяковским, под знаком атаки на форму шла атака на идейное содержание творчества поэта, на его ярко выраженную национальную самобытность и определенность. Поэтому, говоря о новаторстве поэзии Некрасова, хочется пожелать, чтобы советская критика полнее осветила эту сторону его творчества в интересах исторической справедливости, в интересах советской литературы.

В стихотворении «Железная дорога» Некрасов писал:

> Да не робей за отчизну любезную...
> Вынес достаточно русский народ,
> Вынес и эту дорогу железную —
> Вынесет всё, что господь ни пошлет!
>
> Вынесет всё — и широкую, ясную
> Грудью дорогу проложит себе.
> Жаль только — жить в эту пору прекрасную
> Уж не придется — ни мне, ни тебе.

Свершилось: народ наш вышел на широкую и ясную дорогу. Отмечая 75-летие со дня смерти великого русского поэта, гражданина, патриота, отдавшего все силы своей души на благо отечества, совершившего труд, равный революционному подвигу, советский народ глубоко чтит память Н. А. Некрасова и берет на вооружение его неумирающую поэзию.

Н. ГРИБАЧЕВ

Дорожить доверием народа

Товарищ редактор!

Просим напечатать наше письмо.

В прошлые выборы у нас избрали в Ногинский городской Совет депутатов трудящихся тов. Клюшкина Михаила Андреевича. В Глуховке Клюшкина знают не первый год — он работал на прядильной фабрике, а после войны его выбрали председателем фабкома Глуховского комбината. Вот за эту активную работу в фабкоме народ дважды выдвигал его в депутаты Горсовета, оказывал большое доверие. Тов. Клюшкин тогда хорошо откликался на запросы избирателей.

Но случилось так, что вскоре после прошлых выборов тов. Клюшкин стал заместителем директора комбината. И будто подменили человека. Конечно, мы не знаем до точности его служебной работы, но депутатом он стал неотзывчивым!

Обе мы побывали — и не раз — на приеме у него. Одна из нас пришла как раз под майские праздники: полил дождь, а в комнате, словно душ, — прохудилась крыша.

Тов. Клюшкин встретил так:

— Ну что? Что тебе нужно?

— Вот, крышу прикрыть бы.

— Чем я тебе покрою? Иди, некогда мне сейчас с тобой говорить...

Пошла в фабком, оттуда позвонили тов. Бирюкову (тоже наш депутат), попросили всех вместе к директору комбината. И тов. Клюшкина вызвали. С начальством он, конечно, шелковый, вспомнил ласковые слова, с кем здоровается, приговаривает: «Как вы хорошо выглядите!..» Директор выяснил все и тут же решил — покрыть крышу немедленно. И точно: на утро, хоть и был выходной день, пришли рабочие, сделали нужный ремонт.

Кажется, пустяковое дело? А депутат Клюшкин только грубость свою проявил. Ведь он не понял: пришла к нему старая текстильщица, обратилась к депутату — так ты поговори с человеком, объясни по-честному, как есть; ты пойми, и тебя поймут, войдут в твое положение. Это первым делом. А во-вторых, ведь дело тут не в одной Тихоновой: из-за дырявых крыш сколько портится на Глуховке хороших, больших домов. Не доводи до этого — делай, если возможно, а не обманывай обещаниями. Клюшкин же поступает не по-государственному, не по-депутатски!

Перестал он прислушиваться к народу. Недавно пришли к нему устраивать ребенка в детский дом — мать работала у нас на комбинате, а потом уехала и ребенка бросила. Клюшкин уперся: «Не возьму! Пусть горздрав его устраивает себе...» Мол, с комбинатом ребенок не связан! Заведующая детским сектором тов. Грунова и предфабкома тов. Воробьева уговаривали часа два битых, показывали решение горисполкома, а он твердит свое: «Не возьму!» Снова пришлось обращаться в партком, к директору, — ну, решили, конечно, правильно.

Нечуткий человек наш депутат, и груб стал в последнее время. Не уважает народ — так как же нам его уважать? Пусть прислушается, что говорят на комбинате и в Глуховке: свернул, говорят, наш товарищ Клюшкин с правильного пути, забыл, что он слуга народа.

Е. ТИХОНОВА,
работница центральной котельной Глуховского хлопчатобумажного комбината имени Ленина
М. ВАСИЛЬЕВА,
браковщица Ново-гребенной фабрики комбината

ОТ РЕДАКЦИИ. Наш корреспондент проверил на месте факты, изложенные в письме тт. Тихоновой и Васильевой. Вот что выяснилось.

В Ногинский городской Совет избрано 240 депутатов. Подавляющее большинство из них активно работает, пользуется доверием и уважением избирателей.

Например, директор управления ногинского трамвая депутат А. Терехов возглавляет постоянную комиссию по торговле и общественному питанию. Комиссия аккуратно выполняет наказы избирателей, следя за качеством обслуживания в магазинах и на предприятиях общественного питания. По инициативе тов. Терехова и актива комиссии, за последнее время открыты новые палатки и магазины в рабочих поселках.

Много хорошего можно услышать о депутатской работе заслуженной артистки РСФСР В. Светловой. Она, как член комиссии по культурно-просветительной работе, немало сделала для улучшения кинообслуживания в Ногинске, для налаживания нормальной деятельности городского Дома пионеров. Кроме того, поддержав инициативу избирателей, она стала застрельщиком общественного похода за благоустройство и озеленение родного города.

Многообразна и продуктивна деятельность большинства депутатов Ногинского горсовета. С открытой душой держат отчет перед избирателями и заслуженный учитель РСФСР депутат А. Спасский, и корректор типографии депутат О. Сарментова, и работники Глуховского комбината депутаты И. Ледов, А. Барашкова, Г. Ситников и многие другие. Благодаря их объединенным усилиям и инициативе растет и хорошеет с каждым годом старый русский рабочий город Ногинск и его предместье — поселок потомственных текстильщиков Глухово.

Но среди депутатов Ногинского горсовета можно встретить и трех-четырех таких, которые потеряли чувство ответственности перед избирателями, свели свои депутатские обязанности к пустой формальности.

К числу депутатов, плохо исполняющих свои обязанности, в первую очередь следует по всей справедливости отнести тов. Клюшкина, о котором рассказано в письме работниц Е. Тихоновой и М. Васильевой.

Какую бы сторону депутатской деятельности мы ни взяли, ни в одной из них тов. Клюшкин за последние годы ничем себя не проявил. Даже первейшую обязанность депутата — регулярное общение с избирателями, прием их — тов. Клюшкин подменил своей служебной функцией: он принимает рабочих Глуховского комбината как заместитель директора комбината по быту. Может быть, он не понял, не знал, что это не одно и то же? Не мог не знать: ведь рядом с ним, на том же комбинате работает депутат Верховного Совета СССР Л. Ананьева — почему у нее не поучиться, как организовать прием избирателей?

Тов. Клюшкин просто не чувствует настоящей депутатской ответственности перед избирателями. Иначе даже в служебном кабинете разве позволил бы он себе разговаривать с людьми так грубо, как разговаривает сейчас? О грубости Клюшкина известно уже не только работникам комбината — немало порассказала об этом нашему корреспонденту заведующая социально-правовым кабинетом Глуховской женской и детской консультации Н. Фишман, которая подтвердила и факт бездушного отношения Клюшкина к устройству в детский дом трехлетней девочки-сироты (об этом тоже написали в своем письме старые текстильщицы).

Депутаты Ногинского горсовета систематически отчитываются перед избирателями, — тов. Клюшкин за все годы пребывания на посту депутата ни разу не выступил с таким отчетом. Он, конечно, знал, что несколько депутатов (тт. Смирнов, Шестерин, Цепова, Бурмистров), работающие бок о бок с ним и избранные в том же поселке, что и он, выступали перед избирателями и ныне выполняют их новые наказы. Знал, но не посчитал это обязательным для себя.

Тов. Клюшкин любит в оправдание себе ссылаться на перегруженность служебными обязанностями. Но, думается, что немногим меньше занят по службе заместитель главного механика Ново-Ногинской фабрики Г. Желыгин. А он одновременно ведет сложную, трудоемкую работу в качестве председателя постоянной комиссии Горсовета по жилищным вопросам. И сослуживец тов. Клюшкина, также возглавляющий ответственный участок работы, главный бухгалтер Глуховского комбината Г. Ситников является в то же время председателем бюджетной комиссии Горсовета. Так что и здесь все оправдания тов. Клюшкина не больше, чем уловка.

Может быть, никто до сих пор не указывал тов. Клюшкину на недопустимость такого отношения к своим депутатским обязанностям? Указывали. Критикуют тов. Клюшкина часто, но у него выработался своеобразный... иммунитет к критике. Выступает фабричная многотиражка — Клюшкин и его помощники отделываются отписками и обещаниями. Городская газета «Сталинское знамя» посвятила недавно Клюшкину фельетон, прямо назвав его бюрократом, — он обиделся, но не изменился. Парторг ЦК КПСС на Глуховском комбинате тов. Сидоров сообщил нашему корреспонденту о двух серьезных жалобах на Клюшкина, поступивших в партком за последнюю неделю. Депутат Верховного Совета СССР тов. Ананьева, не раз получавшая сигналы о черствости, грубости и упрямстве этого человека, рассказывает:

— Сколько раз я ему говорила: ты же много лет на профсоюзной работе провел, почему же у тебя души нет?..

Так проявил себя тов. Клюшкин.

Пришла пора новых выборов в местные Советы. Оценивая работу своих депутатов, обсуждая новые кандидатуры, избиратели первым долгом решают основной вопрос — способен ли их избранник быть слугой народа, способен ли он оправдать доверие?

„БЕДНЫЙ РОДСТВЕННИК“

У подъезда хмурого старого дома, что стоит на одной из ленинградских улиц, висит небольшая, потускневшая от времени вывеска:

«Научно-исследовательский институт полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства».

Чтобы попасть в институт, нужно пройти двором, миновать темный коридор и по крутой черной лестнице взобраться под самую крышу на шестой этаж. Здесь в нескольких тесных комнатках и приютился институт со своими научными отделами, канцелярией, архивом и всем прочим хозяйством. Впрочем, нет — есть еще агрохимическая и ветеринарная лаборатории, которые не удалось втиснуть сюда же, и они были вывезены за город.

Институт полярного земледелия, как указано в «Положении» о нем, является руководящим научно-исследовательским учреждением в области сельского хозяйства Крайнего Севера. Широкая сеть опытных станций и опорных пунктов института обязана вести «...изучение, разработку и внедрение в производство проблем в области земледелия, животноводства и оленеводства, необходимых для разрешения задачи создания собственной продовольственной базы на Крайнем Севере».

Как же живет и работает институт, как он справляется со своими обязанностями?

Институт полярного земледелия создан пятнадцать лет назад. За это время его научный коллектив, работники его опытных станций и опорных пунктов немало сделали для развития северного земледелия и животноводства.

Интересные и важные исследования ведутся в институте и сейчас.

Но эффективность многих работ снижается в результате того, что научные исследования не выходят за рамки «опытничества», не оказывают нужного влияния на сельскохозяйственную практику. Так, за последнее время растениеводами-полярниками разработана проблема создания в тундре лугов и пастбищ, найдены методы улучшения существующих луговых угодий, выращены новые сорта кормовых трав, пополнен ассортимент северных овощных культур и т. д. А каковы результаты применения этих работ на практике? Почти никаких! Столь плачевный итог объясняется тем, что эти работы проводились на маленьких опытных делянках, величиной чуть ли не с обычные огородные грядки, при помощи самой примитивной техники. А требовались широкие испытания в условиях, максимально приближенных к производственным. Требовался переход с мелких делянок на большие многогектарные площади, с заменой лопаты и плуга современной сельскохозяйственной техникой.

Такая проверка теории практикой естественна и необходима.

Но... как раз эту наиболее важную, заключительную часть работы растениеводы Института полярного земледелия лишены возможности выполнять. А без этого немыслимо успешное внедрение научных достижений в сельскохозяйственную практику.

Опытная сеть института состоит из мелких, плохо оснащенных станций и опорных пунктов, расположенных в разных районах Севера, от Мурманска до Чукотки. Научное хозяйство, производственные базы этих станций находятся в состоянии, близком к развалу. Вот Салехардская станция. Парники, оранжерея, теплицы не ремонтировались добрый десяток лет и выглядят крайне убого. Нет на станции ни лабораторий, ни даже овощехранилища. Не располагает она и никакими сельскохозяйственными машинами.

Примерно такое же положение и на большинстве остальных станций.

Где же и как могут развернуть свою работу агробиологи, селекционеры, семеноводы?

Несколько лет институт работает над вопросами освоения целинных земель тундры. Накоплен известный опыт исследований, наблюдений, экспериментов. Но и эта работа ведется наредкость робко, кустарно.

— Ковыряемся кое-где с плужинками на косогорах...— уныло говорят работники института.

Действительно, краткая выдержка из официального отчета о научной деятельности института подтверждает такое определение масштабов научной работы: «Опыт по освоению целинных земель путем постепенного углубления пахотного слоя заложен на одной станции и одном пункте, на площади 0,25 гектара».

В таких же карликовых масштабах и так же кустарно ведутся опыты по разработке типовых севооборотов.

Хозяйство Крайнего Севера давно уже стало многоотраслевым, оно растет и развивается комплексно. Естественно, казалось бы, что комплексными должны быть и станции. Но до сих пор большинство из них сохраняет старую структуру и продолжает специализироваться только в какой-либо одной отрасли.

Опытные станции научного института должны стать подлинными очагами науки на Крайнем Севере, проводниками, пропагандистами научных знаний, инициаторами борьбы за новый подъем производства в северных совхозах и колхозах. Для этого их надо преобразовать в комплексные, укрупнить, создать в них лаборатории, оборудованные всем необходимым для ведения научных работ. Должна появиться на станциях и техника—тракторы, бульдозеры, канавокопатели, корчевальные машины, установки для искусственного подогрева грунта и т. д.

Пока что для выполнения этих задач делается очень мало.

А в адрес дирекции института нет-нет, да и приходят с какой-либо из станций письма, подобные следующему:

«...Колхозники правильно указывают, что у нас на станции учиться нечему. Кроме плуга и бороны, ничего нет!»

Каким же образом Институт полярного земледелия оказался в роли «бедного родственника» в большой, дружной семье наших научных учреждений? Почему он отстал от жизни?

Кто повинен в этом? В первую очередь следует назвать Министерство сельского хозяйства РСФСР, в ведении которого находятся и самый институт и его опытные станции и пункты. Исправно снабжая институт циркулярами и приказами, министерство не заботилось по-настоящему ни об улучшении и расширении научно-исследовательской работы в самом институте, ни об укреплении его опытной сети. Повинен в этом и коллектив института, который если и не смирился, то, во всяком случае, свыкся со своим незавидным положением.

* * *

XIX съезд партии указал на необходимость решительно улучшить работу научно-исследовательских институтов, полнее использовать научные силы для решения важнейших вопросов развития народного хозяйства, обобщения передового опыта, широкого практического применения научных открытий. Эти указания — программа перестройки работы и для Института полярного земледелия. Думает ли Министерство сельского хозяйства РСФСР осуществлять эту перестройку? И не пора ли начать ее как можно скорее и решительнее, памятуя, что институт призван решать жизненно важные задачи — задачи сельскохозяйственного освоения Крайнего Севера.

А. ПОЛОВНИКОВ,
соб. корр. «Литературной газеты»

ЛЕНИНГРАД

В редакцию „Литературной газеты“

В № 5 альманаха «Дружба народов» за 1952 год появились статьи тт. А. К. Боровкова и Л. И. Климовича, посвященные киргизскому эпосу «Манас». В предваряющей их редакционной статье «К вопросу об эпосе «Манас» сообщается, что альманах «Дружба народов» считает необходимым продолжить на своих страницах обсуждение не только эпоса «Манас», но и других спорных творческих проблем, связанных с изучением и исследованием многонационального эпоса народов Советского Союза.

Редакция альманаха «Дружба народов» поступает совершенно правильно, открывая обсуждение вопросов национальных эпосов, ибо только в процессе свободной творческой дискуссии можно разрешить сложные вопросы национального культурного наследства.

Однако мы категорически протестуем против искажения содержания и игнорирования той большой работы, которая уже проделана по изучению народности эпоса «Манас», а также против попыток редакции альманаха «Дружба народов» и тт. А. К. Боровкова и Л. И. Климовича поставить вопрос об эпосе «Манас», как совершенно новый. Такое отношение не помогает делу дальнейшего изучения крупнейшего памятника киргизского поэтического творчества, а только запутывает вопрос, возвращая его к исходным позициям.

Дело в том, что в минувшем году в течение почти четырех месяцев на страницах республиканской печати проходила дискуссия по вопросу о народности эпоса «Манас». В начале июня 1952 года в гор. Фрунзе Отделение литературы и языка Академии наук СССР и президиум Киргизского филиала Академии наук СССР провели научную конференцию, посвященную изучению эпоса «Манас». В конференции приняло участие около 400 человек, в числе которых были ученые, писатели, работники искусства, учителя и студенчество республики. В работе конференции активно участвовали ученые и писатели Москвы и Ленинграда, ученые и писатели Узбекистана и других республик. Конференция пришла к определенным выводам в отношении народности эпоса «Манас» и наметила ряд мероприятий по дальнейшему изучению эпоса.

К сожалению, редакция альманаха «Дружба народов» искаженно представляет итоги дискуссии и конференции, а тт. А. К. Боровков и Л. И. Климович своими статьями вводят в заблуждение советскую общественность, создавая ложное представление о том, что конференция не пришла ни к каким результатам и что только сейчас их статьями начинается дискуссия по вопросу о народности эпоса «Манас».

Так, в редакционной статье «Дружбы народов» говорится, что «научная ценность работы конференции в том, что на основе свободной творческой дискуссии выявлены имеющиеся спорные взгляды по вопросу об эпосе «Манас» и что «конференция единодушно отвергла все буржуазно-националистические попытки канонизировать те редакции и версии «Манаса», в которых нашли место враждебные народу идеи панисламизма и пантюркизма». На самом же деле дискуссия и конференция не только выявили имеющиеся спорные взгляды, но конференция пришла к определенной оценке эпоса, признав, что «эпос «Манас», веками бытующий среди киргизского народа, в своей основе является народным, но вместе с тем, существующие его варианты содержат серьезные противоречия».

Дав соответствующую оценку эпосу, конференция наметила ряд практических мер. Среди этих мер значится: «подготовить издание сводного варианта эпоса «Манас» с комментариями и вступительной статьей». Постановление конференции было утверждено Президиумом Академии наук СССР 1 августа 1952 года.

Замалчивание этих итогов работы конференции редакцией альманаха «Дружба народов» вызывает удивление. Точно так же вызывает удивление и позиция тт. А. К. Боровкова и Л. И. Климовича, которую они заняли по данному вопросу.

Не входя в подробности полемики, которую ведут тт. Боровков и Климович в своих статьях с некоторыми участниками дискуссии по поводу эпоса «Манас», считаем необходимым остановиться лишь на одном, на наш взгляд, важном моменте.

Тт. Боровков и Климович были не только участниками конференции, но и основными докладчиками. Тов. Боровков был представителем Академии наук СССР, тов. Климович — представитель Союза советских писателей СССР. Им было доверено большое и ответственное дело — помочь научно правильно разрешить вопрос об идейном содержании крупнейшего культурного памятника киргизского народа и наметить пути его дальнейшего изучения. Но вместо того, чтобы в тезисах и докладах сказать четко свое мнение, подтвердив его солидной научной аргументацией, и тов. Боровков и тов. Климович обошли решение основных и спорных вопросов, заняв двойственную позицию, ограничились общими рассуждениями и полупризнаниями.

Доклад тов. Климовича, например, свелся, главным образом, к обзору того, что до него уже не раз высказывалось на страницах республиканской и центральной печати по поводу эпоса «Манас». При этом тов. Л. И. Климович не счел нужным подвергнуть критике свои собственные ошибки, допущенные в работах по эпосу «Манас» и по литературе так называемых «заманов». На это указывали многие участники конференции, знающие эпос «Манас» в оригинале во многих его версиях.

Войдя в состав комиссии по выработке резолюции конференции, тт. Боровков и Климович вслед за большинством признали, например, что эпос «Манас» в основе своей является народным и что необходимо создать сводный вариант эпоса. Теперь же на страницах альманаха «Дружба народов» тт. Боровков и Климович отказываются от всего того, что они публично признали и под чем официально подписались как члены редакционной комиссии по выработке решения конференции.

Вместо того, чтобы помочь претворить в жизнь принятые конференцией решения и дальше углублять работу по изучению крупнейшего памятника духовной культуры киргизского народа, тт. Боровков и Климович возвращаются вновь к тем же самым тезисам, с которыми они уже выступали на конференции, и, публикуя их в виде дискуссионных статей, по существу, зачеркивают всю ту большую работу, которая была проделана конференцией при их непосредственном участии.

Мы просим правление ССП СССР разобраться в том, как могло случиться, что председатель Бюро комиссий по литературам народов СССР тов. Л. И. Климович ввел в заблуждение орган Союза советских писателей альманах «Дружба народов», а редакция, не ознакомившись с результатами работы конференции, позволила себе извратить принятое постановление и тем самым свести на нет большую работу коллектива, которая имеет важное значение в культурной жизни республики.

Профессор **И. Ахунбаев**, председатель Президиума Киргизского филиала Академии наук СССР. Доцент **И. Батманов**. Кандидат философских наук **А. Давлеткельдиев**, директор Института языка, литературы и истории Киргизского филиала Академии наук СССР. Профессор **Н. Захарьев**, лауреат Сталинской премии. Кандидат филологических наук **Б. Керимжанова**. Народный артист Союза ССР **А. Малдыбаев**. Заслуженный деятель искусств Киргизской ССР поэт **К. Маликов**. Лауреат Сталинской премии писатель **Т. Сыдыкбеков**. Народный поэт Киргизской ССР **А. Токомбаев**. Профессор **К. Юдахин**, заслуженный деятель науки Киргизской ССР.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ПРОШУ ВАС, НАПИШИТЕ САТИРУ!..»

В ответ на выступление газеты, опубликованное под таким заголовком 27 сентября 1952 года, заместитель министра угольной промышленности СССР тов. Кузьмич сообщил, что в тресте «Шахтантрацит» действительно имели место так называемые «дни восполнения задолженности», нарушающие нормальную работу шахт. При проверке подтвердились и факты грубого отношения управляющего трестом тов. Полякова к руководителям шахт.

Министерство приняло меры по оказанию помощи тресту «Шахтантрацит». На шахтах Нежданная, имени Октябрьской революции, Ново-Азовская и в Аютинском шахтоуправлении укреплено руководство.

МАСТЕР
ВЫСОКИХ
УДОЕВ

Пример того,
как козье вымя
дает доход
и кормит имя.

Сергей
ВАСИЛЬЕВ

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

ФЕЛЬЕТОН

Как в сказке

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря...

Так же начинается и наша сказка, с той только разницей, что в нашей сказке старик жил не у синего моря, а у Черного.

Если же уточнять все решительно, то добавим, что в положительной роли загнанного старика у нас выступает молодой врач Мария Семеновна Соломко. В роли старухи—жилищное управление Сухумского горисполкома во главе с его начальником тов. Чантурия. А в роли моря, со всей его гаммой трудно угадываемых настроений — Верховный суд Абхазской АССР. В остальном все, как в известной сказке А. С. Пушкина.

Итак, жила Мария Семеновна Соломко у самого Черного моря... Ни мало ни много, а ровно тринадцать лет работала врачом на железной дороге в городе Сухуми, пока по вызову Министерства путей сообщения не переехала на работу в Москву. «Чтобы не приезжать каждый день на работу с черноморского побережья, — посоветовали ей в министерстве, — обменяйте свою сухумскую жилплощадь на московскую».

Не скоро сказка сказывается — скоро дело делается. Съездила Мария Семеновна в Сухумский горсовет и получила от тов. Чантурия охранную грамоту на свою комнату и разрешение на обмен. Вернулась она в Москву и нашла инженера, желающего обменять свою комнату на жилище в Сухуми. Повезла его в солнечный Сухуми, чтобы вместе предстать пред очами тов. Чантурия...

— Нет, не дам разрешения инженеру,— заявил начальник жилуправления, — у нас промышленность небольшая, нечего тут инженеру делать. Везите другую кандидатуру, эта мне не нравится.

Горько вздохнула Мария Семеновна, взглянула на строптивого тов. Чантурия, но — нечего делать — поехала снова в Москву. Месяц, два ли прошло, — привозит она другую кандидатуру...

— Профессия неинтересна, не нравится мне эта кандидатура, — сказал тов. Чантурия, — везите еще кого-нибудь.

Еще горше вздохнула Мария Семеновна, но—нечего делать—снова поехала в Москву искать кандидатуру... Вот нашла она скромного человека, приезжает снова в Сухуми, а тов. Чантурия и говорит:

— Не годится — инвалид. Опять хлопоты нашему горсобесу...

Вскипела Мария Семеновна: доколе? Пушкинский старик, как известно, в таких случаях шел на берег моря. Мария Семеновна пошла туда же — суд в Сухуми помещается на берегу моря. Народный суд немедленно постановил: «Предоставить М. С. Соломко право обмена» и обязал жилуправление не чинить препятствий.

Но тов. Чантурия обиделся: это уж слишком — не чинить препятствий. Ведь тогда комната уплывет из рук горжилуправления?

— Нет, пойду-ка я сам к морю!

И пошел. И что самое странное: оказалось, не зря пошел. Лично разбирая жалобу горисполкома, председатель Верховного суда тов. Маркелия «установил»: во-первых, не ясно, имеют ли право на обмен москвичи, желающие меняться (хотя перед судебной коллегией лежали все требуемые по закону документы); во-вторых, не ясно, почему они вдруг захотели меняться... А посему коллегия определила: передать дело на новое рассмотрение.

Вот и начали суды решать, отменять и опять решать простое законное дело, которое вдруг стало беззаконным. Наконец, против беззакония последовал категорический протест заместителя генерального прокурора СССР тов. Болдырева. Верховный суд Грузии, разобрав этот протест, немедленно отменил все судебные решения, навеянные тов. Чантурия и санкционированные тов. Маркелия.

Но Сухумский горисполком не пожелал сдавать завоеванные позиции: мало ли что пишет Верховный суд Грузии! И добился того, что коллегия по гражданским делам Верховного суда Абхазской АССР еще раз отменила совершенно бесспорное решение суда. Могут спросить: почему?

Не знаем, есть ли в юриспруденции формула: «руководствуясь слухами», но в данном случае была применена именно она. «Кажется», определил суд, тов. Соломко уже обеспечена в Москве жилплощадью; «кажется», она учится в аспирантуре и потому живет в общежитии; а следовательно (дальше мы цитируем решение суда): в жилплощади вышеупомянутая М. С. Соломко «потребительской нужды не имеет». Еще суду «показалось» (такое «кажется» досужие кумушки обычно сообщают пронзительным шопотом): а не делается ли все это «с намерением продать квартиру»?

Вот те раз! Ни за что ни про что человека еще и оскорбили подозрением: а не спекулянтка ли вы? Да где оскорбили — в определении суда!

Единственное, в чем Верховный суд Абхазской АССР не сомневался,—это в необходимости «войти в обсуждение вопроса, как поступить с квартиросъемщиком Титберия». Но, простите, кто такой Титберия? И при чем тут Соломко? А оказывается, тов. Чантурия, пока суд да дело, решил все по-своему — взял да и вселил в запертую комнату Соломко нового жильца...

Суды пошли заседать дальше: есть ли право, нет ли права у Соломко, есть ли право, нет ли права у Титберия.

Не прошло и года, как великодушный тов. Маркелия обнаружил, наконец, в нашем жилищном законодательстве всем известную статью и собственной рукой вписал в решение суда: «Разрешить обмен квартиры».

Вот и сказка кончилась!

Нет, не кончилась. Тов. Титберия до сих пор преспокойно обитает в комнате тов. Соломко, начальник жилуправления, заваривший всю эту историю, преспокойно пожимает плечами: «Куда же я выселю Титберия? Некуда!», председатель Верховного суда Абхазии пребывает в уверенности, что он облагодетельствовал врача Соломко, юридически вернув ей жилплощадь и даже право на обмен комнаты — то самое право, которое именно он, тов. Маркелия, нарушил полтора года назад. А министр юстиции Абхазской АССР тов. Ласурия вместо новогоднего приветствия шлет в Москву еще одну бумажку: «за разъяснением вопроса о том, когда выселять Титберия А. А. из занимаемой жилплощади — до или после предоставления жилплощади», заинтересованные лица могут опять обратиться в суд... В общем, он, Ласурия, к заинтересованным в справедливости лицам не относится.

Такова сухумская быль! Не правда ли: как в сказке?..

В. СОКОЛОВ

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

РАССКАЗЫ, РАССЧИТАННЫЕ НА УЛЫБКУ

Маленький юмористический рассказ принадлежит к тому полузабытому жанру нашей литературы, на который уже не распространяется внимание «серьезной» журнальной критики. А если и попадает в поле зрения критиков этот вид литературы, то обязательно в тех несчастных случаях, когда автора-юмориста следует осмеять и проучить за неудачи и пороки в его писаниях.

Маленькая книжка **Бориса Ласкина «Продолжение знакомства»** (Библиотека «Крокодила», 1951 г., 54 стр.), видимо, не может вызвать критического гнева, и, следовательно, зачем же о ней писать? Но писать, по-моему, надо, хотя бы уж потому, что маленький юмористический рассказ пользуется популярностью у широкого читателя и зрителя нашей эстрады, где рассказы этого рода много читаются.

Юмор — неотъемлемая часть сатиры. Сатира, лишенная юмора, будет лишена своего главного оружия — смеха. Юмор и сатира идут рядом, помогая друг другу.

Рассказы, собранные в книжке Б. Ласкина, поучительны в том смысле, что автор зачастую ищет смешное там, где его не может быть и быть не должно. Он, собственно говоря, и не рассчитывает на смех, а надеется, очевидно, лишь на улыбку читателя или слушателя. В его рассказах преобладают ситуации неожиданных, приятных совпадений. Герой Советского Союза едет в одном купе вагона с девушкой, ради которой он выбрал свое местожительство после войны, и до самого приезда на это место не знает, кто она... («Встреча в пути»). Девушка в канун Октябрьского праздника разговаривает с артиллеристом и узнает в нем старшину, орудие которого прошло от Смоленска до Берлина. Она видела его снимок лишь накануне где-то в витрине, но изумлена тем, что старшина знает ее. Оказывается, что старшина сегодня тоже видел снимок девушки в газете «Вечерняя Москва» («Продолжение знакомства»).

И тот и другой рассказ — мягкая шутка, не больше. А шутка, как известно, быстро забывается. На шутке и недоразумении основаны рассказы «Разговор по-китайски» и «Ночной разговор». В рассказе «Ночной разговор» зерно смешного состоит в том, что молоденькая женщина, только что получившая диплом врача и на радостях съевшая три порции мороженого, потеряла голос и должна с помощью постороннего, не знакомого ей человека говорить по телефону со своим мужем, находящимся где-то на севере.

Во всех этих рассказах смешное, говоря по правде, лишь подыскано и взято для того, чтобы за ним (за смешным) показать большое, интересное содержание нашей жизни с ее хорошими людьми. Но так как над хорошими людьми с их интересной жизнью смеяться, в самом деле, грешно, то Борис Ласкин и придумывает милые и невинные ситуации для сюжетов своих юмористических рассказов.

Другое дело—рассказ «Новый водитель», также основанный на недоразумении. Но здесь это недоразумение вытекает из мысли автора осмеять негодное и бытующее в нашей действительности. Некий Антон Иванович, не подозревая, что к нему на дачу в качестве водителя автомобиля приехал новый начальник, ведет себя так, как он привык обращаться с водителями, и, к ужасу своему, раскрывает этим весьма неприглядный порядок вещей.

Смешное в жизни заключается в несообразности явлений с их сущностью и назначением. И только эта несообразность может давать писателю-юмористу конфликтное и действенное начало для его сюжетов.

Поэтому хочется пожелать Б. Ласкину смеяться над тем, что действительно смешно, а еще лучше — когда смешное достойно осмеяния. А данные хорошего советского юмориста у автора налицо.

Н. ПОГОДИН

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Оборона Пскова от войск Стефана Батория в 1581 — 1582 гг. принадлежит к блестящим страницам русской военной истории. Здесь, под стенами Пскова, была разбита стотысячная армия литовского короля, состоявшая из наемных войск, навербованных почти из всех стран Западной Европы, и оснащенная первоклассной по тому времени военной техникой. Обороняя родную землю от значительно превосходившего противника, защитники Пскова показали исключительные образцы мужества, доблести, горячую любовь к своей родине.

В течение почти полугода королевские войска штурмовали стены города и каждый раз с большими потерями вынуждены были отступать.

Победоносной обороной Пскова русский народ сорвал наступательные планы Батория на восток и вынудил его поспешить с заключением перемирия. Обессиленная, отошла от Пскова «со стыдом многим и с великим срамом» армия захватчиков. В этом было великое значение псковской эпопеи, завершившей собой многолетнюю Ливонскую войну, которую вел Иван Грозный за освобождение исконно принадлежавшего Руси Балтийского побережья, за выход к морю.

Обо всем этом ярко и увлекательно рассказано в **«Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков»** (1952 г., 134 стр.), написанной очевидцем осады, псковским живописцем Василием, талантливым писателем-патриотом XVI века.

Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР правильно поступил, издав этот замечательный памятник древнерусской литературы, воспитывающий любовь к родной стране, возбуждающий чувство гордости за своих предков. Издать этот памятник тем более было необходимо, что старые издания (Москва, 1847 г., Псков, 1878 г. и 1905 г.) были напечатаны по случайным и неисправным спискам, не говоря уже о том, что псковские издания исполнены по позднейшей редакции, в которой «Повесть» была переделана в церковное произведение.

Новое издание, подготовленное В. И. Малышевым, сделано по рукописи конца XVI — начала XVII века, то есть близкой к описываемым событиям. Со стороны археографической публикация потребовала очень большой работы. Как это видно из книжки, для выявления наиболее исправного текста было просмотрено около 40 списков «Повести» с выбором наиболее старшего Вязниковского списка в качестве основного.

Совершенно правильно помещение в приложении описания осады Пскова из «Повести о Псково-Печерском монастыре» и «Рассказа («видения») псковского пушечного кузнеца Дорофея». Эти два произведения дополняют рассказ об обороне Пскова и важны как литературные параллели к «Повести». Оба памятника также изданы по рукописи XVI века.

Таким образом, перед нами первое полное и научное издание «Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков», сделанное с учетом всего сохранившегося рукописного материала.

Заслуживает внимания вступительная статья В. И. Малышева, дающая полный обзор международного положения Московского государства и воевавших с Иваном IV иноземных стран. Эта статья дает возможность оценить важность героической защиты Пскова при тех трудных условиях, в которых находилось Московское государство.

Необходимо отметить и недостатки издания. Нам представляется, что надо было бы дать вслед за старым текстом перевод «Повести» на современный русский язык или же в конце книги приложить словарик мало понятных и не понятных современному читателю слов.

«Повесть о прихожении Стефана Батория на град Псков» не может, конечно, итти в сравнение со «Словом о полку Игореве», но тем не менее мы имеем полное право отметить некоторые их параллели, и в первую очередь — высокопатриотическое изложение описываемых событий. Кроме того, «Слово» и «Повесть» одинаково проникнуты общими интересами всей Русской земли, а отнюдь не местными, областными. Описываемые в «Повести» военные события оцениваются не с точки зрения одного только Пскова. Если в «Слове» на основании анализа его содержания мы можем лишь предполагать участие автора в походе и боях, его пребывание в плену, то здесь, в «Повести», автор является безусловным свидетелем всего происходившего при осаде.

Новое издание «Повести о прихожении Стефана Батория на град Псков» поможет читателю глубже познакомиться с этим ярким и патриотическим произведением древнерусской литературы.

В. ФЕДОРОВ,
действительный член Академии артиллерийских наук, профессор

О РАДОСТИ ТРУДА

Научная фантастика все еще продолжает отставать в своем развитии от общего уровня нашей художественной литературы.

Конечно, это очень трудный жанр. Чтобы создать совершенное научно-фантастическое произведение для нашего советского читателя, автор должен обладать не только талантом писателя, но и чутьем ученого, доскональным знанием предмета, широким социально-политическим кругозором, способностью популяризатора-художника.

Капитализм не ставит и не может ставить перед научной фантастикой тех целей, которые ставим перед нею мы. Основная функция нашей научной фантастики — развивать и стимулировать научное творчество народа средствами художественной литературы.

Значительных книг мы еще не создали. Но все, что в этом жанре удачно, нужно обсуждать внимательно и всесторонне.

К числу таких произведений, мне кажется, и относится повесть **Г. Гуревича «Тополь стремительный»**, изданная Детгизом (1951 г. 110 стр.). Книга читается с интересом, захватывают развитие сюжета, судьба живых, хорошо запоминающихся героев.

В «Тополе стремительном» сталкиваются два ученых, пытающихся создать быстрорастущие древесные породы для лесных полос. Кондратенков — передовой советский ботаник-мичуринец — решает эту задачу методами «народной академии», вовлекая в творческую работу миллионы советских людей— колхозников-опытников, пионеров-мичуринцев, любителей и специалистов. Профессор Рогов — ученый старой школы, не изживший традиций формальной генетики,— действует иначе. Силами небольшого коллектива он изучает причины быстрого роста бамбука, чтобы затем применить найденные данные в работе над другими породами. Порочная методика приводит его к краху, а Кондратенков успешно решает задачу. Конфликт обостряется тем, что Кондратенков — бывший ученик Рогова.

Следя за перипетиями этой борьбы, читатель снова и снова постигает смысл того нового в практике научной работы, что внесла в нашу жизнь материалистическая наука, крепко связанная с народнохозяйственными проблемами.

Заканчивается повесть апофеозом: необычайно быстро вырастающие тополи Кондратенкова высаживаются на берегах Южного канала. И, мчась вверх по течению в моторной лодке, автор видит, как по мере приближения к первому шлюзу, откуда начали свою работу посадочные машины, зеленый пушок только что засаженных борозд меняется с каждым километром, превращаясь в молодую поросль, потом в кусты, наконец — в аллеи молодых деревьев.

Это фантастика. Деревьев таких «стремительных» пород еще нет. Но они могут быть и будут! Эта уверенность крепко входит в сознание читателя, так как все, что для этого сделали герои книги, по существу,— самая настоящая правда.

В этой повести еще есть другая тема. Она не выпячена, она скрыта «за сюжетом», пронизывая повесть с начала до конца. Это тема поэзии труда, который становится не только насущной потребностью, но и наслаждением для советских людей. Именно тема труда неожиданно представляется основным, главным содержанием произведения.

Досадным недостатком повести следует признать то, что автору не удалось создать необходимой близости между читателем и героями. Рассказ ведется от первого лица — от лица газетного корреспондента, который сам по себе никакой роли в развитии сюжета не играет, хотя и пытается «включиться в работу» действующих в повести лиц.

Это снижает остроту, убедительность повествования.

Другая ошибка автора относится к композиции. Повесть состоит из трех частей: первая рассказывает о будущем; во второй описываются реальные события недавнего прошлого, начиная с 1948 года; в третьей — продолжение будущего. Переходы от будущего к прошлому и снова к будущему нечетки, не вызваны никакой необходимостью и только путают читателя.

Эти недочеты выдают литературную неопытность Г. Гуревича.

«Тополь стремительный» — его третья повесть. Первые две, тоже научно-фантастические («Человек-ракета» и «Погонщики туч»), опубликованные в 1947 и 1948 годах, оказались порочными по своему содержанию. «Тополь стремительный» убеждает нас, что молодой автор по-серьезному разобрался в своих ошибках, сумел их понять и настойчиво старается преодолеть. Об этом говорит и последняя, напечатанная в журнале «Знание— сила» повесть «Иней на пальмах», более зрелая, чем «Тополь стремительный». Думается, что она заслуживает быть изданной отдельной книгой.

Ю. ДОЛГУШИН

СОЛДАТЫ СВОБОДЫ

Одно из лучших стихотворений поэтического сборника **Сергея Наровчатова «Солдаты свободы»** («Молодая гвардия», 1952 г., 55 стр.) «Костер» было написано поэтом шесть лет тому назад. Еще тогда оно приобрело заслуженную популярность у читателя. Мы не только с волнением слушали суровый и прямой разговор советского человека — лирического героя стихотворения — с английским солдатом Джони Смитом, но и участвовали сердцами своими в этом разговоре. Да, действительно, Джони Смит, почему ты молчишь сегодня, когда наш солдатский костер, который вместе с нами ты же сам когда-то разжег над рекой Эльбой, твои хозяева — твои враги грозят сегодня смести и растоптать? Ведь ты грелся у этого костра нашей дружбы, ведь без тепла этого костра тебе тяжело будет жить на свете...

Участвуя в таком разговоре, забываешь о том, что ты — читатель, а Наровчатов — поэт. Эти два слова заменились одним — однополчане. Однополчане, сражающиеся за мир, солдаты свободы. Так название сборника становится оправданным.

Такой же страстью подлинно гражданской лирики отмечено стихотворение «Тихий океан», законно открывающее книгу.

Буря на просторах Тихого океана для поэта — буря знаменательная. Он видит в ней столкновение сил сторонников мира и поджигателей новой войны. Таких бурь еще

К И Н О

БЫЛИНА И ФИЛЬМ

В эпических образах русских богатырей народ воплотил наиболее типические черты русского человека: его непоколебимую любовь к родной земле, верность своему народу, его смелость, прямоту, честность и могучую силу. Все эти черты в былинах доведены до восторженного предела, до сказочности, до гиперболы. И, несмотря на кажущуюся неправдоподобность, едва ли существуют в литературе произведения более правдивые. Вряд ли можно найти столь полный и точный пример того, как сознательное преувеличение, заострение образа раскрывает типичность и подчеркивает ее.

Русский былинный эпос наполнен политическими идеями своего времени — идеями защиты нарождающегося русского государства от внешних врагов и захватчиков. Особенно ярко эти идеи выражены в киевских былинах, построенных на сюжете военных подвигов русских богатырей. Новгородский цикл, к которому относится былина о Садко, имеет более бытовой характер, но и в былинах новгородского цикла прекрасные типические черты русского народа сохранены и развиты глубоко и поэтично. Садко не совершает военных подвигов, не одерживает военных побед. Он — гусляр, купец и дипломат, но и в нем прославляются черты русского богатыря: любовь к родине, честность, смелость и предприимчивость.

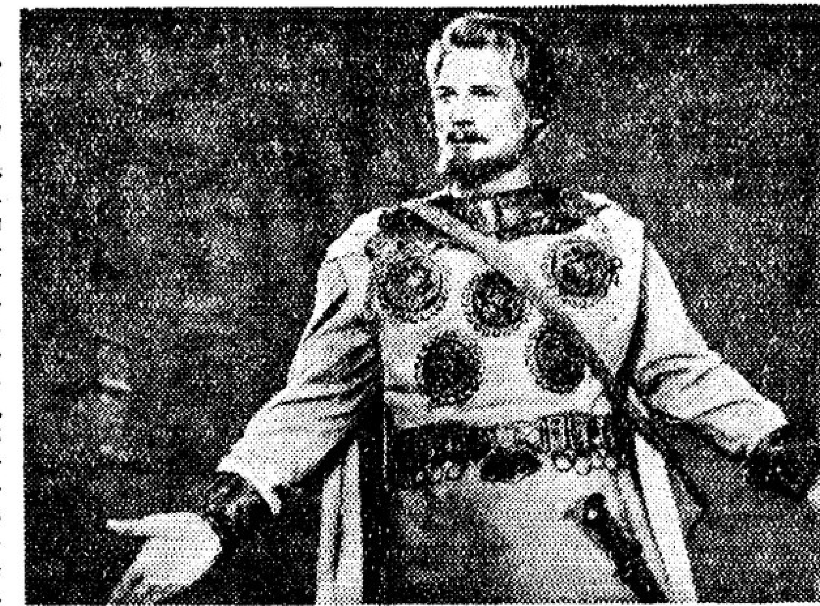
Самую мысль экранизировать «Садко» нужно считать безусловно удачной и своевременной. Использовать все многообразие современной высокой кинотехники и глубокого советского артистического искусства для воплощения прекрасных образов новгородской былины — почетная и смелая задача. Этот опыт обещал быть особенно интересным еще и потому, что некогда попытка перенести «Садко» на оперную сцену дала прекрасные результаты. Опера Римского-Корсакова стала любимым произведением народа и вошла в драгоценный фонд русского музыкально-сценического искусства. Это обстоятельство ко многому обязывало авторов кинокартины, которую, конечно, сотни тысяч зрителей Советского Союза будут сравнивать с оперой Римского-Корсакова.

Увлекательный сказочный сюжет сценария (автор К. Исаев) дал основу для интересного поэтического фильма. Фильм смотрится легко и оставляет сильное впечатление, причем не только благодаря высокой технической культуре, которой владеет советская кинематография. Правильная, художественно ярко выраженная идея пронизывает картину: счастье нужно искать не в заморских краях, а на родной земле.

Много фантазии, увлеченности, таланта и труда внесли в фильм его авторы и исполнители. Первая заслуга в его создании принадлежит режиссеру А. Птушко, оператору Ф. Проворову, молодым художникам Е. Куманькову, Е. Свидетелеву и исполнителю главной роли — артисту С. Столярову.

Экранизация сказочного сюжета требовала режиссера, обладающего опытом постановки фильмов-сказок и владеющего всем разнообразием средств современной кинематографической техники. Создатель знаменитого в свое время «Нового Гулливера» и удачной экранизации «Каменного цветка», А. Птушко получил в свои руки исключительно благодарный материал и проявил вместе с оператором Ф. Проворовым, художниками Е. Куманьковым и Е. Свидетелевым чудеса изобретательности. Технический уровень фильма выше похвал. Когда узнаешь, что для создания таких совершенных эффектов, как буря на океане, как широкие панорамы, рисующие Великий Новгород, его вече, его своеобразную (показанную, пожалуй, слишком экзотической) жизнь, затрачены, в сущности, минимальные средства, то еще больше восхищаешься талантливой изобретательностью коллектива, создавшего фильм.

Особой похвалы заслуживает работа молодых художников. Почти каждый кадр фильма — самостоятельное художественное произведение, красочное и законченное. Очень точно найден в фильме правильный переход от сказочных и необычных декораций к натуре. Природа в картине естественна, но ее красота сказочна, и поэтому разрыва между натурой и декорацией в фильме нет. Садко сидит на берегу Ильмень-озера, которое так сказочно красиво, что и волшебное появление из воды водяной царевны кажется естественным. Только один кадр зимней натуры с березками выпадает из общего стиля картины: он натуралистически передает атмосферу подмосковного дома отдыха — атмосферу милую, но совсем не сказочную.

Кадр из фильма «Садко»

События в сценарии фильма развиваются драматургически закономерно. Однако эта драматургическая стройность произведения не всегда сочетается с верно переданным духом былины, ее эпически-сказочным характером. Порой сценарист в стремлении расширить рамки картины в чисто познавательных целях нарушает стилевое единство фильма. Так, например, появляются сцены из жизни Индийского царства, переданные с почти этнографической точностью. Этот разнобой усугубляется иногда и неверными режиссерскими решениями и актерским исполнением. Необоснованный иронический тон присутствует в игре М. Астангова (Магараджа). Ненужный оттенок мюзик-холльной буффонады, чуждый стилю сказки-былины, вносит в фильм пародийная сцена подводного царства в исполнении С. Каюкова (Морской царь) и О. Викландт (Царица-Водяница).

Необходимо сделать и второй упрек автору сценария.

В опере Римского-Корсакова Новгород дан как крупный торговый и культурный центр, имеющий мировое значение. Последние археологические исследования о жизни древней русской республики вполне подтверждают высокую степень ее культуры. Но уже и Римский-Корсаков ощущал это. В опере «Садко» в Новгороде звучат песни Варяжского, Веденецкого и Индийского гостей. В сценарии же К. Исаев лишь невнятно намекнул на международное значение господина Великого Новгорода, мельком показав на новгородском рынке несколько фигур иностранцев, и тем самым оказался на более отсталых позициях, чем автор либретто, написанного в 1895 году.

Исполнитель главной роли С. Столяров нашел верные, благородно-обаятельные и мужественные черты для образа Садко. Образ Садко в фильме — большая удача картины и серьезный шаг в творческой биографии артиста. Садко — Столяров прост и монументален. Он как бы высечен из дорогого камня. Исполнение Столяровым роли Садко искупает многие недостатки фильма. В картине есть и другие актерские удачи. Живыми людьми стали образы, созданные М. Трояновским (Трифон), Н. Малишевским (Вышата), Ю. Леонидовым (Кузьма). Исполнительница роли Птицы-Феникс Л. Вертинская решает сказочный образ в удивительно верном ключе. Если бы все сказочные сцены были даны в таком же ключе, фильм «Садко» мог бы стать выдающимся произведением советской кинематографии. Сейчас—это победа с серьезными потерями. К сожалению, режиссер, увлекшись технической стороной постановки, уделил недостаточное внимание подробному анализу каждого образа и тщательной работе с каждым актером. Потому, например, новгородские купцы в фильме одноликие. Только форма и длина бород отличают этих купцов друг от друга, а здесь нужна бы галерея разных, но живых и своеобразных типов. Толпа живет по команде режиссера, и это тоже не украшает фильм.

Несколько слов о музыке. Мысль использовать для фильма музыку оперы Римского-Корсакова, вероятно, правильная мысль. В самом деле, трудно представить, что заново было бы написано что-либо лучшее. И композитор В. Шебалин проявил большое умение и такт, связав музыку Римского-Корсакова с действием картины,— в этом его заслуга. Иногда музыка совершенно сливается с фильмом, но чувство некоторого неудовлетворения все же остается у зрителя. Почему, например, торжественный хор «Высота ль, высота поднебесная» звучит приглушенно?

Талантливый коллектив, создавший «Садко», совершил серьезную разведку в интереснейшую область русского народного эпоса. Советский зритель будет благодарен за то многое хорошее, что есть в фильме «Садко».

Борис БАБОЧКИН,
народный артист РСФСР

Некрасов в Чехословакии

Знакомство чешского и словацкого народов с творчеством Н. А. Некрасова началось в середине XIX века.

В 1860 году в «Журнале Чешского Музея» видный чешский славист и поэт-переводчик Иозеф Коларж опубликовал большую статью о творчестве русского поэта. В статье говорилось о том, что стихотворения Некрасова содержат «горячее сочувствие и сострадание к простому русскому народу и тайную ненависть к его угнетателям». Статья сопровождалась переводом 13 стихотворений Некрасова («Поэт и гражданин», «Еду ли ночью по улице темной», «Муза» и др.).

Свободолюбие и демократизм стихотворений Некрасова не могли не привлечь к себе внимания в Чехии, которая была на пороге нового подъема национально-освободительного движения.

Вскоре появились новые переводы стихов Некрасова в журнале «Родинна хроника» и в основанном выдающимися чешскими писателями Витезславом Галеком и Яном Нерудой журнале «Кветы».

В 1867 году в «Кветах» была опубликована статья о Некрасове знатока русской литературы переводчика Э. Вавры.

Вавра писал: «Стихи Некрасова проникнуты глубоким сочувствием к простому народу, особенно к униженным и угнетенным классам народа русского, и презрительной, ядовитой, гневной иронией по отношению к угнетателям. Благодаря этому направлению своей поэзии Некрасов, как поэт, выходит за узкие рамки отечественной поэзии, переставая быть поэтом только русским; он входит в круг тех поэтов, которые принадлежат всему миру».

Зародившийся в 60-е годы интерес к творчеству Некрасова впоследствии не затухал.

Прогрессивные чешские и словацкие писатели видели в поэзии Некрасова пример народности и самобытности. Опыт русского поэта помогал им в борьбе за демократическую национальную литературу.

Переводы стихов и поэм Некрасова продолжали печататься в «Кветах», а также во вновь созданном Яном Нерудой журнале «Люмир». В 1876 году вышла первая книжка переводов, подготовленная Гинеком Мейснаром. Показательно, что накануне первой мировой войны стихи Некрасова появлялись в рабочих изданиях.

Создавая новую, социалистическую культуру, чешские и словацкие писатели в наши дни уделяют большое внимание творчеству поэта русской революционной демократии. Чехословацкое Государственное издательство художественной литературы предприняло издание 12-томного собрания сочинений Некрасова. «Большой задачей наших поэтов является приближение к нам творчества Некрасова,— писала газета «Лидове новины» в 1951 году.— Творчество Некрасова остается вечно живым, потому что всегда верно служило народу и прогрессу».

Л. КИШКИН

„ТОЛЬКО ВПЕРЕД“

С. ТРЕГУБ

В библиотеке журнала «Огонек» недавно вышел сборник стихов белорусского поэта Аркадия Кулешова «Только вперед». Здесь находишь широко известные и новые стихотворения этого замечательного поэта. Центральное же место занимает поэма «Только вперед», датированная 1950 годом. Впервые она была опубликована в журнале «Новый мир», но, по непонятным причинам, обойдена критикой; в центральной печати о ней не появилось ни одной рецензии. Между тем произведение это популярно и любимо в читательской среде. Оно переведено и на китайский язык, сердечно принято братским народом. Поэма заслуживает анализа, оценки.

Порой раздаются голоса, сетующие на то, что А. Кулешов якобы после поэмы «Знамя бригады» (1942 г.), признанной народом и удостоенной Сталинской премии, не превзошел-де свою прошлую удачу и не сделал нового шага вперед. Так, С. Васильев в «Заметках о стихах», напечатанных в «Литературной газете» (30 августа), критикуя последнюю поэму А. Кулешова «Песня о славном походе», сравнил ее опять же со «Знаменем бригады» и с огорчением обнаружил «несоизмеримость этих вещей». Его не смутил тот факт, что «**несоизмеримость звучания**» объясняется в данном случае несоизмеримостью замыслов, а следовательно, и **несоизмеримостью самих произведений.** Следует ли сравнивать несоизмеримое?

Что значит для поэта «превзойти свою прошлую удачу» и «сделать новый шаг вперед», как не написать новую талантливую вещь, на предыдущие не похожую! Разве не такими по материалу, по изобразительным средствам являются поэмы А. Кулешова «Цимбалы» и «Дом № 24» (1944 г.), «Новое русло» (1948 г.), «Простые люди» (1949 г.), «Только вперед» (1950 г.), «Песня о славном походе» (1951 г.). Правомерно ли сравнивать разные по масштабам, задачам и их решению произведения друг с другом? Куда естественнее сравнивать их с жизнью, которая их породила, и оценивать по тому значению, которое они приобрели для жизни.

Каждая из новых поэм А. Кулешова открывает нам новую сторону действительности и обнаруживает новые качества поэтического мастерства автора. И вместе с тем на всем его творчестве — печать его «я». О чем бы он ни писал, какой бы темы ни касался,— всюду и во всем видна его поэтическая индивидуальность. Она в его взгляде, в его мышлении и потому — в его стиле, в его языке.

Существенный порок иных стихов — безликость. Я имею в виду не только чисто поэтическую несамостоятельность их авторов, не просто их зависимость от широко известных поэтических «правил» и «образцов», не одну лишь приверженность к различным «поэтическим» штампам, т. е. не только безликость **средств** выражения, но и безликость того, **что** выражено: мыслей, впечатлений, чувств; отсутствие того, что составляет глубочайшую и интимнейшую сущность данной поэтической индивидуальности; его жизненную биографию, мир его душевных переживаний.

Есть авторы, полагающие, что если они призваны в своих стихах выражать типическое, если им дано говорить от имени страны, народа, то следует и можно обойтись без своей, так сказать, скромной персоны. Всякое «я» ассоциируется у них с «ячеством», индивидуализмом, свое личное — с недопустимой, дурной «отсебятиной». Зачем открывать перед людьми свою душу? Ведь можно и без этого писать о том, что происходит в стране, в мире, откликаться на события дня.

Писать, разумеется, можно. Стоит, однако, подумать и над тем, каковы результаты такого «творчества».

Что горенья?
 Даже
 нет и тления
в их стихе
 холодном
 и лядащем.
Все
 входящие
 срифмуют впечатления
и печатают
 в журнале
 в исходящем.

У истинного же художника нет другой возможности выразить мир, как не поселившись в нем, как не вобрав его в себя, не сделав его своим. Его «я» становится многомиллионным не потому, что поэт уходит от себя, предает свое «я» забвению, а потому, что оно не отгорожено от людей эгоистическими интересами, не замкнуто в самом себе, потому, что оно вмещает в себя и их «я». Голос поэта — их голос!

Чем значительнее поэт, тем больше, многограннее его «я», тем богаче оно раскрывается.

В. Г. Белинский характеризовал пушкинского «Онегина», как энциклопедию русской жизни, как народное, в высшей степени, произведение. И он же подчеркивал, что даже в этом произведении (романе в стихах!) личность поэта отразилась с такой полнотой, столь светло и ясно, как она отразилась лишь в немногих его творениях. Гениальный русский критик писал: «Здесь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здесь его чувства, понятия, идеалы».

Это написано о «Евгении Онегине» и может быть, с равным основанием и правом, отнесено к другим выдающимся произведениям нашей литературы.

Творческое разнообразие и богатство многонациональной советской поэзии это в то же время разнообразие и богатство **поэтических индивидуальностей.**

Чувства, понятия, идеалы поэта, его любовь и его ненависть, его радость и его горе, вся его жизнь входят в поэзию, окрашивают ее своим цветом, делают ее самобытной, неповторимой. Личное сливается с общим, частное приобретает остроту, характерность, типичность, становится обобщением, «я» переходит в «мы».

Пафос поэзии Кулешова — пафос его народа, пафос коммунизма. Какой бы стороны этой темы он ни касался, каков бы ни был ее «строительный» материал, сюжет, конфликт, она всегда лирически им опосредствована; в ней голос его сердца.

Такова и поэма «Только вперед», озаренная светом молодости, дружбы, немеркнущей любви.

Произведение это написано от первого лица. Герой приезжает в край своего детства и юности, где не был уже восемнадцать лет, он ищет давних друзей-земляков и не находит их; один стал генералом, другой — плавит металл на Урале, третий — летчик... Без них — тоскливо, хочется поскорее уехать. Задержала героя лишь весть о том, что соседний колхоз на речке Бесяди строит гидростанцию. На стройке встречается он со студентами, приехавшими на каникулы в родные места; они помогают колхозу возводить плотину. Их молодая энергия захватывает и его.

Все лето герой вместе со студентами провел в работе. Кончились каникулы, юноши и девушки прощаются друг с другом и, «расставаясь, расстаться не могут никак». И припомнилась ему своя юность, первая любовь. В этих самых местах, за речкой Бесядью, он встречался когда-то со своей любимой Алесей. Воспоминания об этой давней любви, со своими противоречиями и своим конфликтом, нахлынули на него. Вспомнил он комсомольскую юность своего поколения. Личное крепко переплелось с коллективным, вошло в биографию века.

Любовь к Алесе была безответной, неразделенной, мучительной. Но он пронес ее через всю свою жизнь. И любовь не ослабла, не стала меньше.

Красота и сила чувства составляют красоту и силу произведения. Цельный и чистый образ Алеси, геройски погибшей в годы Великой Отечественной войны, большая неизменная и верная любовь к ней составляют нравственное богатство поэмы. Из нашего настоящего она обращена и в прошлое и в будущее, объединяет три разных времени, показывает, как одно подготавливает собой почву для другого.

Дело павших в борьбе,
дело ныне живых...

И потому так естественен, закономерен в поэме переход от могилы Алеси к золотому житу, к комбайнерке в яркокрасной косынке, какую носила когда-то Алеся.

Корабль-комбайн, ведомый по безбрежным хлебным полям девушкой-комсомолкой, легко перерастает в другой образ:

Наш корабль уплывает
 в безбрежную даль.
Славлю мирную сталь,
 славлю Сталина сталь!

Наш корабль — это уже корабль социалистической державы, безбрежная даль — уже не даль поля, а даль истории... За текстом есть подтекст, под поверхностью кроется глубина. В стихи можно вчитываться, вдумываться. Повторы, столь характерные для Кулешова, усиливают его речь.

Поэма написана взволнованно. И это передается нам, отзывается в нас то болью, то радостью, то нежностью, то гневом.

Стих Кулешова звучит интимно и в то же время широко, мягко, сердечно, но отнюдь не сентиментально, а, наоборот, мужественно. Речь его медленна, внешне спокойна, но она внутренне напряжена до предела. Стих прост, но не пресен, слова самые обычные, «прозаические», но ритм придает им энергию, окрыляет строку и строфу. Здесь органически соединяются две стихии: музыкальность белорусской народной песни и интонационное богатство стиха Маяковского.

Поэма имеет свою эмоциональную атмосферу, в ней есть настроение, которое нарастает, развивается... В ней присутствуют и грустные ноты — жизнь ведь состоит не только из праздников. Беда может обессилить и обезволить человека и она же может вызвать в нем прилив новых сил.

Любовь к Алесе не оторвала героя поэмы от людей, а приблизила его к ним и распространилась на них.

Сила поэмы в том, что идея материализуется в ясных и искренних словах, в точных и емких образах; в том, что поэт выступает не в роли созерцателя, регистратора событий, а в роли деятельного строителя жизни, и говорит от своего и одновременно от ее имени; в том, что не пересыхает живительный родник свойственных ему интонаций; в том, что его «я» содержательно; в том, наконец, что форма и содержание едино служат правде жизни, выражают ее.

Стихи, вошедшие в сборник «Только вперед», помогают нам полнее и шире представить образ лирического героя, лучше познать большой мир его души. Они посвящены важным темам современности: борьбе за мир, всеземному торжеству ленинизма, нашим героическим будням. Читаешь стихи «Коммунисты», «Живой Ленин», «Когда поют гимн коммунистов», и на память приходят вдохновенные речи представителей братских коммунистических, рабочих партий, произнесенные в Кремле на XIX партийном съезде.

В этих стихах столько убежденности широты, энергии, столько душевного тепла, столько поэзии, что слова мгновенно прорастают в сердце, дают обильные всходы, становятся активно действующей силой.

Все это результат того, что идеи в произведениях А. Кулешова живут не «отвлеченной», не «абстрактной» жизнью, не являются плодом одного лишь умствования. Они — плоть и кровь его поэзии, ее душа, неотъемлемая часть его «я».

Поэму «Только вперед» перевел М. Исаковский. Другие стихи — Я. Хелемский, Н. Кислик, К. Титов. Переводчики сумели донести до читателя язык и дух подлинника и тем заслужили нашу благодарность.

не было за все существование Тихого океана.

Пусть ураган сменяет ураган,
Пусть все сильней глухое клокотанье...
Хранит недаром Тихий океан
До наших бурных дней свое названье.

Обезоружив новую войну,
Мы утвердим победу мира в мире,
И океан узнает тишину
На всей своей необозримой шири!

В этом стихотворении сама традиционная картина бури, наполненная новым глубоким смыслом, становится свежим поэтическим образом.

Наровчатов — автор нежного стихотворения о дочери «Курильские есть острова...», написанного в светлых и мягких красках,— в других стихах сборника, таких, как «Сенатор», владеет оружием острой сатиры. Перед нами вырастает живой мертвец — американский сенатор. Он утром поднимается с постели, чистит зубы, одевается, отправляется в конгресс, где грозит умертвить миллионы простых людей. Он считает себя живым человеком, но это труп, еще очень опасный, но труп, труп капитализма.

Эти стихи, написанные в стиле резкого памфлета, вместе с тем вполне реалистичны. И знаменательно, что написал их лирический поэт. Ведь любовь к прекрасному невозможна без ненависти к омерзительному.

Наровчатов, как мне кажется, не задавался целью написать сборник стихов на одну тему, как это делают некоторые поэты. Он писал отдельные стихи, которые потом как бы сами по себе, естественно соединившись вместе, составили этот сборник. Мне кажется, что поэту именно так и надо работать. Ведь каждое настоящее, пусть даже маленькое стихотворение — это большой этап в жизни и творчестве поэта. Это кульминационная точка многих впечатлений, мыслей и чувств, накопленных порой за долгие годы человеческой жизни. И здесь нужно сказать, что растет Наровчатов не так стремительно, как бы хотелось. Дело не в том, что эта книга, подводящая итог нескольких лет работы поэта, тонка по объему (в ней 55 страниц), а дело в том, что стихи в ней далеко не равноценны.

Есть в ней и такие общие, бесцветные стихи, как «Моя подпись», стихи, в которых нет поэта, нет его мыслей и чувств, нет его человеческой судьбы. Есть в ней и случайные для Наровчатова стихи—«Таежная молодость». Непонятно, почему забрели они в этот сборник. Читатель ищет конца этих стихов, а конца нет, и создается такое впечатление, что следующая страница просто вырвана из книги. Есть в сборнике и стихи «Тени у Капитолия», перепевающие тему стихов «Сенатор», стоящих буквально рядом. Здесь автор не смог расстаться с прошлой удачей. Он пытается двигаться вперед на уже отработанном горючем. Есть в книге единственный перевод стихотворения Ивана Неходы «Эстафета мира», представляющий и поэта и переводчика в качестве худшем, чем они есть на самом деле. Стихотворение затянутое, в нем много общих мест.

Недостатков немало для такой небольшой книги и для дарования, каким обладает поэт, судя по его лучшим стихам.

Николай ДОРИЗО

ЖИВЫЕ КАРТИНЫ

Имя **Н. Никандрова** — автора рассказов «Ротмистр Закатаев», «Во время затишья», «Все подробности», «Белый колдун», «Во всем дворе первая» и др.— давно, более пятнадцати лет, не появлялось в печати, если не считать рассказа «Береговой ветер», выпущенного в 1948 году Крымиздатом.

Поэтому с живым интересом открываешь сборник рассказов **«Море»** («Советский писатель», 1952 г., 210 стр.)—столько лет прошло. Правда, совсем нового тут нет — рассказы эти появлялись в печати в период 1930—1935 гг., но сейчас они в новой и, как нам кажется, более выразительной редакции.

Сборник назван «Море», и эта тема в суровом, мужественном звучании проходит через всю книгу.

Два основных рассказа сборника—«Красная рыба» и «Седой Каспий» — внешне очень похожи друг на друга. И там и здесь повествуется о ловле рыбы в открытом море. Самоотверженный труд добытчиков рыбы, превратности погоды, мужество и стойкость, проявленные в борьбе с морской стихией, составляют содержание обоих рассказов.

Но в «Седом Каспии» в этот, в сущности, очерковый материал входит тема нового, коллективного труда. Напомним, что «Седой Каспий» (как и «Красная рыба») отражает время начала тридцатых годов, когда в колхозах, в том числе и в рыболовецких, новые формы труда только еще устанавливались.

Небольшое судно — «подчалок» — отбилось от бригады. Не случайно—люди думали в одиночку больше поймать рыбы. Налетевший ветер переворачивает суденышко, и звеньевой, старик Тихоныч, сидя с другим рыбаком, Гарасимом, на днище своего подчалка, говорит: « — Промышляй мы в эту путину бригадой, не в одиночку, мы давно были бы спасены своими».

Это душевное движение, сдвиг в сознании обогащает очерковый строй «Седого Каспия», поднимает его до рассказа. Этому способствуют и выразительно написанные фигуры Тихоныча, Гарасима, Кольки — у каждого свой характер, своя жизненная судьба.

Но что главное замечает читатель в «Красной рыбе» и в «Седом Каспии»? Хотя одно из произведений больше очерк, а другое — больше рассказ, их объединяет картинная и — скажем прямо — превосходная выразительность повествования. Автор как бы переносит нас на баркас или подчалок и заставляет быть не только свидетелями, но и участниками тяжелого, опасного и в то же время увлекательного труда рыбаков. Живописность, ощутимая зримость происходящего достигаются автором достоверными и художественными деталями. Их много, они рассеяны по каждой странице. Вот некоторые.

Белуга «...показала людям свою граненую, серую, в колючих бляшках, шершавую спину, сильно загребающие по бокам плавники и могучий, работающий, как пароходный винт, красивый хвост». Вот вытаскивают краба: «Двумя толстыми клешнями, как руками, краб держал за два конца стальной крючок, а маленьким ротиком не отрываясь сгрызал с него наживку. Он не выпускал изо рта вкусную наживку на протяжении всех ста пятидесяти метров, поднимался ото дна все выше и наедался все торопливее. И только когда вместе со шнуром, на котором висел, оказался на воздухе и увидел людей, услыхал их смех, он выпустил из клешней крючок и камнем упал в волны...» «...Гарасим и Колька... высыпали в море тонкое, мягкое, нежное плетение сетки. Сухая сетка в первый момент пышными невесомыми кучками плавала по воде, как комки морской пены».

С прекрасным домыслом описаны автором морское дно, затонувшая доска, окруженная маленькими рыбками, белуга, старающаяся напором заглатываемой воды прополоскать горло и освободиться от крючка.

Но иногда автор теряет чувство меры, и тогда в живописную ткань повествования вплетаются дидактическо-познавательные элементы. Автор словно старается сказать **все** о море, **все** о рыболовецкой технике. И порой это делается не очень ловко: молодые рыбаки задают вопросы старому рыбаку, и тот дает исчерпывающие ответы. Такая «лекционная система», во-первых, нарушает живую картинность повествования, а во-вторых, насильно обращает молодых, но уже знающих свое дело рыбаков в школьников.

Желание дать как можно больше познавательного материала иногда приводит автора просто к загадкам. Так, например, несколько раз мы встречаем в обоих рассказах описание, подобное такому: «...опять отдали от **банки фал**, потравили вниз по **шкиву гордень**, приспустили по мачте **разбугиль** с **рейком** и парусом» (подчеркнуто нами. — **Н. М.**). Надо ли все это, памятуя, что еще капитан 2-го ранга Ревунов-Караулов своими морскими терминами сморил всех гостей на чеховской «Свадьбе»?

Ник. МОСКВИН

ПРАВДА И ЭКЗОТИКА

Повесть **Н. Громыко «Дойна о Мариоре»** («Молодая гвардия», 1952, 376 стр.) ясно говорит о даровании молодой писательницы.

В центре произведения — судьба молдавской девушки-батрачки Мариоры, испытавшей в годы оккупации Бессарабии королевской Румынией боярский гнет, начавшей новую жизнь после воссоединения Бессарабии с Советской Молдавией, прошедшей сквозь испытания Великой Отечественной войны. Автор сумел нарисовать живой характер главной героини, показал запоминающиеся фигуры отца Мариоры, кузнеца Думитру Лаур, друга Мариоры — Андрея.

Н. Громыко добросовестно изучила материал. Описывает ли автор освобождение Бессарабии или раздел земли бедным крестьянством, сбор винограда или кукурузы, показывает ли молдавские обычаи и обряды (например, свадебные),— по малейшим деталям, живой речи, поговоркам («перемена господарей — радость глупцам» и т. д.), видишь, что писательница знает Молдавию, ее историю и быт.

В «Дойне о Мариоре» преобладает реалистический, в основном верный показ характерных черт народа: жизнерадостность, энергия, любовь к русскому народу.

И все же автор повести, желая сделать все совсем «по-молдавски», впадает в крайности, допускает неточности, придумывает молдавскую «экзотику».

Чтобы придать колорит повествованию, автор вводит в ткань произведения героя молдавских сказок — Фэт Фрумоса. Сказочного Фэт Фрумоса наш народ любит за его добрые дела. Но сравнивать Фэт Фрумоса с коммунистами или с партизанами почти то же самое, что отождествлять Илью Муромца с командирами партизанских отрядов.

Надуманными кажутся описание «кражи» невесты (в наше-то время!), некоторые псевдонародные песни. Есть языковые ошибки в молдавских текстах, вставленных в книгу, в именах действующих лиц.

Автор умеет верно обрисовывать своих героев, но нередко он попросту «теряет» их в ходе повествования (так, забыл автор о секретаре райкома партии Коробове). Многие описания событий эскизны. Без знания дела показаны партизанские эпизоды. Надуманность и наивность проявились в показе деятельности бессарабских подпольщиков — коммунистов и молодежи, где встречаешь и декларации и дурной натурализм (злоупотребление «кровавыми» сценами).

Начав читать книгу с интересом, примерно со второй половины читатель с нетерпением ждет финальной точки. Было бы куда лучше, если б, дойдя до последней страницы, читатель пожалел бы, что повесть кончилась.

Хочется, чтобы Н. Громыко продолжила работу над своей книгой, чтобы второе издание ее было свободным от недостатков. А второе издание книги полезно — слишком мало знает наш русский читатель о жизни молодой братской советской республики.

Несмотря на недостаток места, хотелось бы коснуться еще одного вопроса, заслуживающего более широкого освещения в нашей литературе. В Молдавии немало русских сел с передовыми, прекрасными колхозами. Они есть и в Романовском, и в Каменском, и в Бельцком районах. Русские в Бессарабии всегда были кровными братьями молдаван в их общей борьбе против турок, румынских бояр. Какой это замечательный материал для русского литератора, приехавшего в Молдавию, для писателя, проживающего в республике!

Емилиан БУКОВ

ОНИ ВЫРОСЛИ В БОЯХ

Первое впечатление от пьесы молодого китайского драматурга **Ху Кэ «Они выросли в боях»** (Издательство иностранной литературы, Москва, 1952 г., 91 стр.) — это ощущение правды, искренности и простоты.

Произведение Ху Кэ воспринимается, как непосредственный и задушевный рассказ о событиях, которые были пережиты самим автором. И даже, если не знать, что Ху Кэ сражался в Народно-освободительной армии с самого начала войны против японских захватчиков, все равно, внимательно читая пьесу, убеждаешься, что она написана патриотом и бойцом. Ху Кэ внес в свое произведение тот героический порыв, которым жила армия великого народа и который так сильно описан в стихотворении Мао Цзэ-дуна «Великий переход».

Прекрасен наш Китай! Непобедим народ!

Так кончается стихотворение Мао Цзэ-дуна. Эта мысль пронизывает всю пьесу молодого драматурга. В ней чувствуется дыхание жизни, дыхание суровой борьбы.

Первые картины пьесы рассказывают о черных днях угнетения, безграничного произвола феодалов-помещиков. Незаконным образом у старого крестьянина Чжао отнят его клочок земли. В отчаянии старик кончает самоубийством. Но его сын Чжао Те-чжу не хочет покоряться, в нем горит огонь ненависти, жажда борьбы и мщения. Он поджигает помещичий дом и уходит из деревни искать путей борьбы. И во втором акте пьесы, спустя много лет, мы видим его уже твердым и мужественным командиром Народной армии.

В человеческих судьбах героев автор показывает нам судьбу народную, пьеса, при всей ее лирической задушевности, приобретает настоящий эпический размах. Стихия народных сил, народного гнева организуется и направляется коммунистической партией, которая воспитывает революционное сознание миллионных масс. И мы видим, как в борьбе, в боях растут и мужают герои пьесы, в борьбе находят они свое счастье.

В армии встречает Те-чжу после долгой разлуки своего сына Ши-тоу, а после освобождения одной деревни находит в ней свою жену. Семья Чжао обретает счастье в рядах армии, в боях. Народная армия несет жизнь, свободу, радость — это показано в пьесе чрезвычайно убедительно.

Еще в 1925 году товарищ Сталин сказал, что «...правда и справедливость целиком на стороне китайской революции». Драматург выразительно передает силу идейного единства, высокой сознательности, сплачивающих бойцов в один могучий, непобедимый коллектив. Большинству героев пьесы присущи душевная ясность, моральная чистота людей, убежденно сражающихся во имя честного, правого дела. Правда и справедливость воодушевляют героев Ху Кэ, правда и справедливость ведут их в бой и делают непобедимыми.

Люди, пришедшие в армию, чтобы с оружием в руках защищать свою землю от врага, чувствуют себя здесь словно в родной семье. Отношения между бойцами и командирами построены на уважении человеческого достоинства. Это боевое братство, высокий политический и моральный дух новой, Народной армии Ху Кэ показывает очень глубоко и правдиво.

В каждом из «стальных солдат Китайской Армии Свободы» (Мао Цзэ-дун) драматург умеет раскрыть живой человеческий характер, показать своеобразие индивидуальных человеческих судеб. Запоминается и твердый, волевой командир Чжао, и умный, сердечный комиссар Чжоу, и порывистый Ши-тоу, и каждый из молодых бойцов батальона. Живые характеры героев показаны в развитии, в движении.

В пьесе есть замечательная сцена собрания перед боем: воины берут на себя новые обязательства, раскрывают перед товарищами свои самые заветные помыслы и мечты. «Наша конечная цель — коммунизм. У нас будет такая же счастливая жизнь, как в Советском Союзе»,— говорит один из бойцов. Пример Советского Союза вдохновляет китайских патриотов, вселяет в них уверенность в победе над врагом. Этой светлой уверенностью проникнута вся пьеса.

Читая произведение Ху Кэ, успеваешь полюбить его героев и, думая о них, невольно вспоминаешь пророческие слова товарища Сталина, сказанные им еще четверть века тому назад: «Силы революционного движения в Китае неимоверны».

Ал. ПОПОВ,
народный артист СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕРРОР ЯНКИ-ОККУПАНТОВ В АНГЛИИ

В идеологической агрессии США особое место занимает то, что мы назвали бы литературным террором. В чем он заключается? Нескончаемый поток брошюрок «комикс», журналов типа «Ридерс дайджест» и книг, начиненных пропагандой войны и прославлением «американского образа жизни», наводняет маршаллизованные страны. Эта продукция морально уродует читателя, воспитывает его в духе человеконенавистничества. Янки-оккупанты стремятся разрушить национальную культуру в странах, подпавших под их влияние. Эти попытки вызывают все возрастающее сопротивление со стороны интеллигенции Англии, Франции, Италии и других стран.

Сегодня мы публикуем статьи английских писателей Джека Линдсея и Патрика Голдринга, рассказывающих о том, как ведется эта борьба в Англии.

На страже национальной культуры

В наши дни защита мира неизменно связана с защитой лучших достижений национальной культуры, ибо традиция классической литературы — это традиция гуманизма, веры в прогресс человечества. Классическая литература отражает основные этапы движения народа вперед. Наоборот, пропаганда войны всегда связана с внедрением псевдокультуры, культуры искусственной и космополитической, задача которой — оторвать народ от животворящих источников национальной культуры.

Поскольку в Англии мы пользуемся, несмотря на некоторые отличия, тем же английским языком, что и американцы, главному империалистическому хищнику нашего времени—Соединенным Штатам — особенно легко наводнять Англию самыми отвратительными произведениями литературы. Вследствие этого задача защиты национальной культуры и ее гуманистических традиций имеет для нас исключительно большое значение. Даже те писатели, которые тешили себя иллюзиями, будто политические вопросы никакого отношения к ним не имеют, постепенно и все глубже начинают понимать необходимость борьбы за сохранение нашей национальной культуры. Многие англичане, и в том числе представители интеллигенции, осознали, какая угроза нависла над нашей культурой.

Теперь наша интеллигенция уже чувствует, что речь идет не об обычных культурных связях между двумя нациями, говорящими на английском языке, а о попытке правящих в Америке кругов уничтожить все, что есть в нашей культуре честного и гуманного.

Когда в конце 1951 года у нас возникло «Писательское объединение в защиту всеобщего мира», большинство писателей, включившихся в его деятельность, исходило не из ясного понимания обстановки — ими руководило чувство страха перед нависающими на горизонте грозными тучами войны да сознание, что по какой-то причине гибнут традиционные элементы честности и доброй воли, содержащиеся в нашей культуре. Эти писатели не могли не почувствовать, что с того времени, как британское правительство позволило Соединенным Штатам взять в свои руки контроль над его внешней политикой, интеллектуальная атмосфера в Англии пронизана духом войны и агрессии.

В глубине своей души они чувствовали, что все это глубоко враждебно тому, что мы больше всего ценим в нашей традиции,— любви к народу, которая звучит в творчестве лучших английских писателей, от Чосера и Шекспира до наших классических романистов, духу борьбы за лучшую жизнь, находящему отражение в той или иной форме во всей нашей богатой литературе, начиная с четырнадцатого века и включая творчество таких писателей, как Мильтон, Шелли, Уильям Моррис. Даже тогда, когда они обращались к произведениям писателей, не обладавших подобным боевым духом, как, например, Колриджа и Вордсворта, было ясно, что именно то, что есть в этих писателях ценного, подвергается ныне смертельной угрозе в результате создавшейся военной обстановки и американского вторжения в Англию.

Небезызвестная статья Пристли в журнале «Кольерс» способствовала углублению таких настроений среди передовых английских писателей. И в самом деле: все увидели с исключительной наглядностью, во что превратили темные силы писателя, который раньше пользовался уважением. Прежде всего появилось чувство, что статья Пристли написана «не на английский лад».

С полным основанием литераторы, связанные с организацией «В защиту всеобщего мира», повели наиболее активное свое контрнаступление против американских «комиксов», отравляющих жизнь нашего народа и наше культурное наследие у самых его истоков — среди детей. Объединение создало секцию детской литературы, которая работает не покладая рук и даже пробила себе дорогу в капиталистическую печать,— а это нелегкое дело в наши дни, если речь идет о каком-нибудь прогрессивном мероприятии. Секция детской литературы подготовила диференцированный список «комиксов», которые тиражом в 400 миллионов экземпляров ежегодно выпускаются «для детей». В этом списке показано, какие из этих «комиксов» носят наиболее вредный характер. Секция детской литературы распространяет этот список, не считаясь с опасностью судебного преследования. В результате один из наихудших «комиксов», известный под названием «Планета», был изъят из обращения. Этот список был хорошо принят торговцами периодикой и поддержан отраслевым журналом агентов по распространению печати.

Профессор Сесиль Дей Льюис, поэт, активный сторонник Объединения, призывает писателей уточнить свои позиции и продумать такой, например, вопрос: «Верю ли я по-настоящему, что разные системы могут мирно сосуществовать?» Пусть писатели продумают, предлагает Льюис, какие выводы заставит их сделать утвердительный ответ на этот вопрос. «Мы должны научиться мыслить политически, — говорит он в заключение,— ибо, будучи писателями, мы не можем изолировать себя от общей политической обстановки».

Так наши писатели проходят школу политического образования в результате своей борьбы за мир и сохранение мирных ценностей. Они начинают понимать, что защита мира является одновременно защитой собственных гуманистических традиций. Они начинают видеть, что те силы в нашем мире, которые распространяют клевету о других странах, и прежде всего о Советском Союзе, есть те самые силы, которые пытаются принизить и уничтожить нашу национальную культуру, уходящую своими корнями в жизнь нашего народа, связанную со всей его борьбой, с его тягой к миру и изобилию, тягой, объединяющей народы в одну дружную семью.

Как ни важна деятельность нашего Объединения, тем не менее писателям необходимо стремиться и к большему. Они должны отражать в своем творчестве то утверждающее, что живет в их народе, и творчески изобразить грядущую борьбу. Хотя предстоит еще очень многое сделать, все же начало положено. Недавно радиокомментатор с удивлением отметил, что наши лучшие молодые писатели определенно обращают свои взоры не к Джеймсу Джойсу, а к Диккенсу, ища у него вдохновения и уроков художественного мастерства. Иными словами, они обращаются к нашей великой традиции, стремятся создавать живучие художественные произведения, серьезно интересуясь этическими и социальными вопросами. Все это ново для современной Англии и должно получить дальнейшее развитие. Наша организация должна создать творческую атмосферу, противостоящую силам, сеющим военный психоз и насаждающим космополитизм. Мы будем бороться за сохранение подлинно национальных традиций английского народа.

Джек ЛИНДСЕЙ

◇

Отравители детей

Несколько дней тому назад в одном английском суде слушалось дело шестнадцатилетнего подростка, обвинявшегося в убийстве. Сопротивляясь полиции, арестовавшей его за вооруженный грабеж, он застрелил одного полисмена и тяжело ранил другого. На допросе юный убийца заявил, что он действовал так, как обычно действуют герои американских кинофильмов. Оказалось, что не менее трех раз в неделю он посещал кино и смотрел картины, живописующие кровопролитные похождения гангстеров.

Окружая насилие и насильников романтическим ореолом, американское кино приучает молодежь к мысли, что убивать тех, кто тебе мешает,—значит быть настоящим мужчиной. Подросток, который застрелил полицейского, подражая примерам, виденным на экране, — вовсе не единственное явление в своем роде. Точно такой же случай произошел в городе Чатаме: юный грабитель, задержанный на месте преступления, выстрелил в полицейского и убил его наповал. При обыске в комнате убийцы было найдено множество так называемых «комиксов».

В последние годы — и особенно в последние месяцы — в Англии все больше раздается голосов, выражающих тревогу по поводу роста преступности, в частности детской. Об этом говорят судьи, священники, учителя, наконец, просто отцы и матери. Наряду с преступностью отмечается и общее падение нравов среди молодежи. По времени все это совпадает с усиленным наплывом в Англию американских кинокартин, романов, изданий типа «комикс».

Основное содержание подобных произведений сводится к пропаганде жестокости, насилия. Недавно один из английских цензоров, контролирующих фильмы, выпускаемые в прокат, публично заявил, что никогда еще сцены насилия и убийства не занимали в кинокартинах такого большого места, как за последние три года. А сколько американских фильмов попадает на английские экраны в обход цензуры? Примечательно, что большинство таких фильмов насыщено антикоммунистической или военной пропагандой. В начале 1952 года в Англии появился американский фильм «Стальной шлем», который сразу же вызвал резкий протест со стороны критиков самых разных направлений. Это был первый фильм о войне в Корее, демонстрировавшийся в Англии. Звериной жестокостью проникнута вся картина, но особенное возмущение критики вызвала сцена расстрела корейских военнопленных сержантом американской армии.

Совсем недавно в кинотеатрах Лондона демонстрировался другой американский фильм на эту же тему — «Кошмар отступления», тоже встреченный негодующими голосами критики. Говоря об атмосфере военной истерии, характерной для этого фильма, превозносящего жестокость и убийства, Милтон Шулмэн, рецензент консервативной лондонской «Ивнинг стандард», вынужден был заявить своим читателям: «Пришло время задать себе вопрос: к чему мы идем?»

Что касается английского народа в целом, то он выражает свое отношение к этим образцам военной и антикоммунистической пропаганды тем, что не хочет их смотреть. Кинопрокатные фирмы открыто признали на страницах издаваемого ими журнала, что демонстрация таких фильмов в Англии оказалась убыточной. При выпуске на экраны последнего шедевра американской кинопродукции этого рода, фильма «Большой Джим Мак-Клейн», была сделана довольно неуклюжая попытка скрыть его истинную установку — прославление американских полицейских шпионов и агентов комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Просмотра для прессы не устраивали, а рекламные объявления были составлены с таким расчетом, чтобы завуалировать содержание картины. Но это не помогло: Ричард Уиннингтон, рецензент «Ньюс кроникл», а также кинокритики из других буржуазных газет картину посмотрели и резко осудили ее за истерический и «антилиберальный» дух.

Большую роль в этом движении протеста сознательных, мыслящих англичан против засилья американских кинокартин, разжигающих звериные инстинкты, играет коммунистическая партия Англии. Ее национальный культурный комитет недавно с успехом провел конференцию в защиту английской культуры. Велика также заслуга «Писательского объединения в защиту всеобщего мира». Эта организация предполагает созвать широкую конференцию с целью привлечь внимание демократических и миролюбивых кругов к факту все усиливающейся пропаганды войны и насилия в американских фильмах и мобилизовать общественное мнение против показа таких фильмов в Англии.

Кроме того, «Писательское объединение в защиту всеобщего мира» (куда входят многие известные английские писатели, как, например, Джеймс Олдридж, Альфред Коппард, Наоми Митчисон) призывает запретить распространение американских «комиксов», также восхваляющих войну. Особенно бурные протесты английской общественности вызывают именно «комиксы», рассчитанные главным образом на детского читателя и наименее культурную часть молодежи. Запрещения американской литературной продукции этого рода требуют члены парламента, ассоциации педагогов и родителей, различные женские организации, как, например, Женская ассамблея (всеанглийское объединение прогрессивных женщин), учителя и видные представители духовенства. В сентябре архиепископ Йоркский, доктор Сайрил Гарбетт, выдающийся деятель англиканской церкви, обратился с посланием к прихожанам, в котором подверг осуждению американские «комиксы», называя их «зловредными и пагубными сочинениями».

Все больше англичан с тревогой осознают критическое положение английской культуры, захлестнутой мутною волной американских влияний, от которых в первую очередь страдает молодежь. Типичным выражением этой тревоги является статья, появившаяся в буржуазной газете «Манчестер гардиан». Автор этой статьи сокрушается по поводу того, что... «часть английской молодежи оказывается в плену у низменных форм американской культуры, которые так широко экспортируются на континент», и дальше добавляет, что в вопросах культуры «Европа постепенно низводится на положение американской колонии».

Резкой критике подверглись также американские романы из жизни армии, такие, как «Отсюда в вечность» Джеймса Джонса или «Конец, достойный мужчины» Колдера Уиллингхема, все содержание которых вертится вокруг сексуальных мотивов и проявлений звериной жестокости.

Кинофильмы и «комиксы», которыми американские поджигатели войны наводняют Англию, вызывают чувство гневного возмущения почти у всего английского народа.

Патрик ГОЛДРИНГ

ЛОНДОН, 7 января. (По телеграфу)

Публикуемый снимок взят нами из английского журнала «Пикчур пост», где он служит иллюстрацией к статье, озаглавленной «Должны ли американские «комиксы» быть изгнаны?» На фотографии — английский школьник, погрузившийся в чтение очередной прибывшей из США бульварной брошюрки, напичканной порнографией и кровавыми похождениями гангстеров.

Автор статьи, призывая бороться против разлагающего влияния этих американских изданий, отмечает, что они... «были не известны до войны, первые их экземпляры прибыли вместе с американскими войсками, и число их продолжает расти вместе с прибывающими из США солдатами».

Появление подобного рода статьи на страницах «Пикчур пост», журнала, отнюдь не отличающегося прогрессивными взглядами, — еще одно свидетельство всеобщего недовольства, вызываемого наводнением Англии отравленными американскими книжонками — «комикс».

На средства, выкачиваемые у населения Западной Германии в виде всевозможных налогов и поборов, американские оккупанты построили в Кайзерслаутерне благоустроенные дома для военнослужащих-янки (фотоснимок слева). Местные жители называют этот район, где вечно шатаются пьяные американцы, «малой Америкой». Американские оккупанты устроились в Западной Германии со всеми удобствами, а трудящиеся немцы и их семьи вынуждены жить в развалинах, бараках или лачугах бывших лагерей для военнопленных. На снимке справа запечатлен один такой трущобный поселок, в котором ютится западногерманский трудовой люд.

Выходящая в Дюссельдорфе газета «Вестдейче нейе прессе» в рождественском номере писала в частности, что в Западной Германии 4 миллиона 700 тысяч семей не имеют жилья.

Однако и в наступившем году виды на какое-либо смягчение жилищного кризиса весьма призрачны. Немецкая печать сообщает, что в результате переговоров между немецкими и союзническими властями программа жилищного строительства в Западной Германии на 1953 год будет сокращена и в первую очередь будут строиться военные объекты.

Снимки из чехословацкого журнала «Свет в образех»

„Бизнес уик" пророчествует

По случаю нового года даже некоторые «солидные» органы американской печати, уподобляясь популярным в США составителям гороскопов, наперебой высказывают всевозможные пророчества относительно будущего американской экономики. Так, детальным анализом перспектив экономики США, «жизненный тонус» которой давно уже поддерживается лишь за счет неистовой гонки вооружений, решил заняться орган деловых кругов, еженедельник «Бизнес уик».

А перспективы эти, по признанию журнала бизнесменов, выглядят не слишком обнадеживающими. «Сейчас бум достиг полной зрелости,— сообщает «Бизнес уик» в номере от 3 января,— его дальнейшее развитие может вызвать перезрелость». Таково первое, сделанное со знанием дела предсказание. И далее: «Бум, несмотря на все доверие, которое он внушает, может потерпеть крах». Наконец, общий вывод: «Это делает перспективы на 1953 год довольно мрачными и очень неопределенными...»

В своих невеселых предсказаниях «Бизнес уик» отнюдь не одинок. Из 300 экономистов, собравшихся недавно в Чикаго на ежегодную конференцию экономических и статистических ассоциаций США, по словам корреспондента газеты «Уолл-стрит джорнэл», «лишь горстка смельчаков — 10—15 человек — считает, что нынешний высокий уровень деловой активности сохранится...». Мнение большинства экспертов, по свидетельству той же «Уолл-стрит джорнэл», выразил профессор Нью-йоркского университета Джулиус Бэкман, который сравнил экономику США с... наркоманом и спросил: «Что произойдет с ним, когда впрыскивание инфляции прекратится?»

Другой экономист, представляющий крупную фирму «Вейерхойзер тимбер компани», — Чарльз Янг, точка зрения которого также приведена корреспондентом газеты «Уолл-стрит джорнэл», признал, что нынешнее экономическое положение «напоминает в некотором отношении положение, с которым столкнулось правительство Гувера в 1929 году, когда закончился послевоенный бум 20-х годов...»

Все это относится к экономике США в целом и дает, так сказать, общую и весьма безрадостную перспективу надвигающегося «спада», как на языке американских экономистов деликатно именуется экономический кризис.

«Бизнес уик» вынужден признать, что гонка вооружений вызвала чрезвычайное перенапряжение в стране. «Всякий, кто изучает экономику (имеется в виду милитаризированная экономика США.—**Ю.Г.**),— пишет журнал, — ощущает необходимость «поправок», которые можно более реалистически назвать сужением». Но это-то и не устраивает монополистов, жаждущих не «сужения», а увеличения прибылей. И «Бизнес уик» не скрывает, на что уповают бизнесмены, возражающие против «сужения» военного производства: «активизация военных действий в Корее может отсрочить эту необходимость».

В отличие от рядового составителя гороскопов «Бизнес уик» не ограничивается, однако, констатацией приведенных выше печальных истин. На страницах журнала пересказываются уже известные и не один раз фигурировавшие в американской печати «рецепты» спасения от кризиса. «Бизнес уик» вспоминает о них в настоящий момент лишь потому, что в ближайшие недели предстоит передача власти в Вашингтоне новой, республиканской администрации. К ней-то и обращены его рецепты и советы. Орган монополий предлагает искать выход из экономических трудностей и противоречий, одолевающих американский капитализм, прежде всего во внешних авантюрах: «Самые важные решения почти несомненно находятся в области внешних отношений».

«Бизнес уик», не стесняясь, называет вещи своими именами. «Темпы производства вооружения можно определить, исходя из необходимости одержать победу в Корее».— безапелляционно заявляет журнал. Откровенно настаивая на усилении так называемой «холодной войны» против СССР, «Бизнес уик» не удовлетворяется призывами к расширению агрессии в Корее и объясняет это с не меньшей откровенностью: «если мы хотим взять в свои руки инициативу где-нибудь еще, то мы не можем сильно сократить военные расходы».

Что же конкретно предлагается делать? Прежде всего — «**активизировать американские военные усилия как в Корее, так и в Индо-Китае**», а также прибегнуть к «**действиям, направленным непосредственно против коммунистического Китая...**» Но достигнуть всего этого нельзя, многозначительно предупреждает «Бизнес уик», «без значительной активизации военных усилий США...»

На протяжении всей статьи между строк читается как бы обращение редакторов-дельцов к дельцам-читателям: «Нечего, мол, стесняться! Тут все свои, а в своем кругу можно высказываться откровенно». Разговор у «Бизнес уик» действительно получился откровенный: только усиление политики агрессии, по мнению журнала, способно поддержать прибыли монополистов США на нынешнем рекордном уровне.

Ю. ГЕОРГИЕВ

НОВОСЕЛЬЕ В... ТЮРЬМЕ

Французские власти проявляют поистине трогательную заботу о рядовых гражданах...

Недавно в городе Курбевуа из дома № 22 по авеню де Голль было выселено пять семейств. «Не тревожьтесь за их судьбу,— нежно успокаивал возмущенных жителей города комиссар полиции, отдавший приказ о выселении.— Они будут размещены в заново отремонтированных помещениях, в департаментском доме соседнего города Нантер...»

Как оказалось, под деликатным названием «департаментский дом» подразумевалось здание бывшей тюрьмы. Окончательно пришедшее в негодность и кое-как залатанное, оно было оставлено властями «про запас».

Комиссар полиции сдержал обещание. Отцы семейств, их жены и дети были водворены в камеры бывшей тюрьмы. На окружающий мир они могли теперь глядеть лишь сквозь решетки. За эти любезно предоставленные «новые квартиры» была тотчас же назначена значительная плата.

Получил огласку и следующий случай, рассказанный парижской газетой «Фигаро». Один швейцарский журналист во время войны жил во Франции и был брошен гитлеровцами в одну из тюрем города Понтарлье (департамент Ду). Недавно он вновь приехал во Францию и захотел посетить место своего бывшего заключения. В старом, обветшавшем, более непригодном тюремном здании теперь не содержались заключенные; но каково же было его удивление, когда, открыв дверь в свою прежнюю камеру, он увидел, что здесь ютится целая семья!..

«Каждому французу будет предоставлена крыша над головой»,— заявил не так давно бывший французский премьер-министр г. Пинэ. «Тюремная крыша — это ведь тоже крыша», — с горькой иронией замечает газета «Юманите».

С. Т.

ПОСЛЕ КОНГРЕССА НАРОДОВ В ЗАЩИТУ МИРА

Впечатления американца

Вспоминаю, как в переполненном ресторане венского Концертхауза один из делегатов вдруг заговорил о состоявшемся четыре года назад Конгрессе деятелей культуры в польском городе Вроцлаве.

Находясь в Вене, естественно было вспомнить и о Вроцлаве. Это помогало лучше и полнее оценить Венский Конгресс народов, поразивший всех нас своей необычайной новизной и размахом. Это была встреча честных людей всего мира. Пусть между ними не было единства во взглядах на политику и философию, но ценно то, что эти люди непоколебимо верили: жизнь должна восторжествовать над смертью.

Для американцев значение Конгресса велико в двух отношениях. Посланцам нашего народа приятно было видеть религиозных вождей Ирана, беседующих с бразильскими генералами, рабочих химической промышленности Японии, сидящих бок о бок с бывшими французскими министрами, канадских ветеранов войны, держащих под руку матерей из Кореи. В этих, казалось бы, внешних проявлениях достигнутого единства сказывался огромной важности факт: народы поднялись на защиту мира. Ничто не может сильнее порадовать подавляющее большинство американского народа, тоже жаждущего мира, как этот факт.

В то же время для сторонников мира в США, для тех храбрых американцев, которые не дрогнули, когда над нашей страной сгустились мрачные тучи, Конгресс явился новым источником сил, вдохновения и энергии. Когда Илья Эренбург заявил, что советский народ «согласен жить в мире с любой Америкой, независимо от того, каких президентов она выбирает и какие порядки ей по душе...», мы поняли, что борьбу за мир в нашей стране можно вести в несравненно больших масштабах, чем многие из нас представляли себе это прежде. Итак, еще один вывод, сделанный нами в Вене: борцам за мир в Соединенных Штатах Конгресс народов открыл новые горизонты и перспективы. Нам, возможно, придется иметь дело с теми, кто по различным вопросам будет придерживаться взглядов, прямо противоположных нашей точке зрения. Но со всеми, кто искренно стремится к миру, мы, несомненно, найдем общий язык, руководствуясь формулой, выработанной на Конгрессе: «пора вступить на путь переговоров, пора договориться!»

В моей стране реакционные круги усердно распространяют лживую версию о том, что нет-де никакой базы для переговоров между Соединенными Штатами и Советским Союзом, направленных на ослабление международного напряжения. Рядовым американцам изо дня в день внушают: для того, чтобы приступить к подобным переговорам, необходимо бесконечно и во все возрастающих размерах вооружаться. С какой целью? На этот вопрос пропагандисты новой войны отвечают: чтобы убедить сесть за круглый стол... русских и китайцев.

Но это то же самое, что ломиться в открытую дверь. Таково было мнение нашей делегации, высказанное профсоюзным деятелем из Сан-Франциско Джорджем Хэйуордом от имени американцев, присутствовавших на Конгрессе. Каждый, кто побывал на Конгрессе в Вене, почувствовал, что разговоры о неуступчивости русских — это глупая и лживая брехня. Для переговоров о мире дверь всегда открыта.

Если просто сказать, что в Вене произошла встреча народов, это еще не даст исчерпывающей характеристики Конгресса. Безусловно верно, что там были простые люди: шахтеры, служащие, учителя, домашние хозяйки, железнодорожники. Но там присутствовали также выдающиеся деятели науки, литературы, искусства со всего мира. Я предвижу, что, когда мы возвратимся в США, репортеры забросают нас вопросами, требуя фактов и втайне надеясь, что таковыми мы не располагаем. И хотя не приходится рассчитывать, что наши интервью попадут в газеты, мы все же расскажем репортерам, как на наших глазах советский писатель Александр Корнейчук полемизировал с французским философом-драматургом Жан-Поль Сартром, настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон со вниманием выслушивал точку зрения бразильской актрисы Марии де ла Коста, в то время как Джузеппе Нитти, депутат итальянского парламента, беседовал с бывшим депутатом аргентинского конгресса Джоном Куком.

Нас, посланцев Северной Америки, порадовало присутствие на Конгрессе многочисленных делегаций из латиноамериканских стран. Их народы сделали воистину великое открытие: они поняли, что у них есть общие интересы. Для таких стран Южной Америки, как Аргентина, Бразилия и Чили, для республик Центральной Америки, считающихся сферой влияния американского империализма, вопрос о защите национальной независимости, обсуждавшийся на Конгрессе, имеет первостепенное значение.

Журналистам, представлявшим реакционные газеты и агентства западных стран, Конгресс народов доставил много хлопот. Я имею в виду людей, подобных молодому австрийскому репортеру, который сказал мне, что работает на американское информационное агентство. Когда я полюбопытствовал, что он думает о Конгрессе, этот репортер ответил: «Мне не платят за описание Конгресса. Вот и все». Что, кроме очередной лжи, могут написать все эти продажные перья?

Что могут они, например, противопоставить такому событию? Три часа ночи. Две тысячи делегатов, стоя, на разных языках скандируют: «Да здравствует мир!». Только что, почти единогласно, были приняты две последние резолюции. Конгресс подходит к концу. В просторном зале Концертхауза густыми клубами повис дым бесчисленных сигарет. Яркие огни юпитеров прорезали табачный дым, гремят аплодисменты, лица горят от возбуждения.

Что могло вызвать такой энтузиазм у представителей народов самых отдаленных стран, которые породнились в общей борьбе? Его породила идея мира, священная борьба за великое дело современности.

Дж. С. РОБЕРТСОН,
американский журналист

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б00804.